

СВЕТЛАНА КОТТ

16+

РЕВОЛЮЦИЯ

РАЗУМА

Светлана Котт

Революция разума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39269592

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11496-8

Аннотация

Простой извозчик Ди живет в мире, где в одном переулке стоят Зимний дворец и пирамида Хефрена, сенаторы разгуливают с головой дождевого червя, а с неба часто падают камни. Но в этом мире власть ведет тайную игру. Правительство разыскивает и убивает тех, кто слишком увлечен книгой и сериалом «Грань». Почему сериал и книга влекут за собой смерть жителей города? Ди становится одним из тех, за кем начинают следить.

Содержание

Часть 1	4
Ди	4
Грань	94
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Часть 1

Ди

5:30. Пора выходить на работу. Я запряг в повозку своих котов и поехал на точку отправления. Дороги у нас тут так себе, трясет из стороны в сторону.

– Доброе утро, Ди!

Я оглянулся. Возле паутинного дома на меня смотрела муха-проститутка. Сегодня на ней было розовое платье.

– И тебе удачного дня, Шел, – ответил я и поехал дальше. Она выглядела уставшей, наверное, пауки здорово ее вымотали. Паутинный дом находился прямо возле моего, и это просто ужасно! Спать по ночам невозможно, во всех смыслах этого слова.

Я надеялся, что хотя бы этим утром моя дорога будет спокойной. Но как назло со своей гнусной маской чумного доктора мне на пути встретился зоркий. Ненавижу нашу власть. Никчемные мрази-зоркие, возомнившие себя...

– Доброе утро, достопочтеннейший, – сказал я зоркому и про себя подумал «уродливый ублюдок». Он ничего не ответил, и я бы поехал мимо, но заметил рядом с ним своего знакомого музыканта.

– Неужели Бик в чем-то провинился? – спросил я и оста-

новил повозку.

– Не теряй свою выручку и езжай вперед, – буркнул зоркий, взглянув на моих котов. Они у меня здоровенные, один аж три метра вымахал, хотя обычно средний рост кота два с небольшим. Я гордился тем, что в моей повозке было аж пятеро котов. Прокормить их, правда, сложно. А еще содержать стойло и покупать огромных засушенных мышей. Штук десять, довольно дорого выходит. Но мои ребята свое отрабатывают, выносливые котики.

– Бик замечательный музыкант, за что же вы его так? – спросил я у зоркого, в то время как мой знакомый стоял с поникшей головой.

– Несанкционированная музыка со словами. Уже пятое нарушение за неделю, – ответил зоркий. После этих слов Бик словно позеленел.

– Хэй, смотри! Твоего ворона кто-то хочет украсть! Вон там! – закричал я. Зоркий посмотрел назад. На его маске чумного доктора был довольно длинный клюв.

– Ты врешь! Никто не крадет моего ворона, – рявкнул он. Единственные, кто летал на воронах, это были зоркие. Я надеялся, что он поведется на мою уловку, но тот оказался умнее.

– Да приглядишься ты! – перебил я и усмехнулся. Не знаю, бывают ли такие совпадения, но ворона этого зоркого действительно кто-то хотел украсть. Впервые я соврал и в то же время сказал правду.

– Черт! – закричал он и совершенно забыл про Бика. Возглас этого зоркого меня рассмешил, но все настроение пропало, когда я взглянул на часы. Твою кошачью дивизию, я опаздывал!

– Спасибо, Ди – поблагодарил Бик. Он держал в руках небольшие палочки (постоянно забываю, как они правильно называются).

– Эй, не попадайся больше этим тварям на пути. И жду твоих песен под окнами, – сказал я и приказал котам скакать вперед.

Стоит сказать, что я работаю извозчиком. А сегодня самый ужасный день под названием понедельник. Моя работа заключается в том, что мы возим разных людей, сущностей и тому подобных тварей.

А вчера я еще до утра следил за гонками на велосипедах. Это такой вид спорта, при котором к велосипеду привязывают воздушные шары, и они взмывают в небо. И там происходит самое интересное, велосипедисты крутят педали, и кто быстрее врежется в главное облако, тот и победитель. Я поставил 500 ун на красного велосипедиста, но как обычно проиграл. Впрочем, 500 ун не такие уж большие деньги, чтобы из-за них переживать.

Наконец, я приехал на работу. Успел впритык. Скоро пойдут клиенты. На горизонте показался мой друг Спектр.

– Доброго чертового утра, – сказал я. Спектр не отреагировал.

– Твои коты снова сонные, – сказал он. Спектр был парнем высокого роста, на его плечах развевался длинный цветастый вязанный плащ, а на голове красовалась треугольная шляпа. Он часто ходил в рваных перчатках и обожал кожаные штаны. На шее у него был небольшой шрам в виде креста, он никогда мне не рассказывал, откуда он взялся, а я никогда не спрашивал. Что интересно, у его брата Одуванчика был такой же шрам на том же месте.

– В моем районе это неизбежно. Когда ты живешь возле борделя с кучей мух-проституток, ублажающих пауков. И орущая музыка. Какой урод придумал паутинную гитару и виолончель. Я хочу его задушить, – сказал я.

– Кажется, это был паук по имени Гази, – сказал Спектр.

– Передай ему, что я хочу его убить.

– Так он давно умер. Повесился на паутине.

– Отстой, – расстроился я. У меня неожиданно заурчало в животе. – Просто у одуванчика истек срок годности.

– Вчера видел, как в кафе Дики Ри сенатор поедал деликатесную розу. Она была такая аппетитная, – сказал Спектр, и мне еще больше захотелось есть. Деликатесная роза моя мечта, а уж тем более в лучшем ресторане Дики Ри. Каждый раз, когда проезжаю мимо, представляю, как сижу рядом с водной стеной, меня обслуживают роботы, а за соседним столиком люди обсуждают очередную новость из газеты «Скорость». Их девиз «В нашей газете вы первыми увидите главную новость дня».

– Сенатор, кстати, встречается с человеком-змеей, – сказал я, и Спектр рассмеялся.

– Один с головой дождевого червя, а другой с головой змеи, смотрится органично, – добавил он. Сенаторов, как и зорких, я тоже ненавижу. Их человеческое тело сочеталось с головой дождевого червя, которая на ощупь довольно слизкая. Терпеть не могу возить их в своей повозке, вечно от них приходится отмываться.

– Сегодня опять пойдешь в «Полет?» – спросил Спектр.

– Не без этого.

Я люблю эту забегаловку, там самое вкусное «Цветное облако». Особенность этого кафе в том, что здесь ты с помощью лупы сам создаешь облако с тем цветом, который тебе больше всего нравится. Больше всего мне нравятся зеленые.

– Кажется, идет первый клиент, – сказал Спектр.

Я взглянул на симпатичную девушку в черном длинном платье.

– Мадам, мои коты вас заждались! Я доведу вас в любимую точку мира! – воскликнул я, она улыбнулась и мельком взглянула на меня. Но все мое наслаждение прервал голос слева.

– Идиотский краб! Двигайся быстрее!

Краб с аквариумом на горбу шел в мою сторону. Это означало лишь то, что в аквариуме была рыба-аристократ. Обычная рыбка не могла себе позволить расхаживать на суше, услуги краба стоили очень дорого.

– Нам нужно доехать до сто двенадцатого поворота третьего переезда возле храма Святой Марии, – сказала рыба через передатчик и добавила. – Мой чертов краб ни на что не годен, за что я отдал свои деньги, если он не может преодолеть такое маленькое расстояние.

Симпатичная девушка села в повозку к Спектру, а я с недовольным лицом повез скучную рыбу к храму. Пока Спектр смеялся надо мной, я проклинал этого краба-инвалида с наглой рыбой.

Мы ехали к храму Святой Марии, через сто десятый и сто одиннадцатый повороты восьмого и одиннадцатого переездов. Мне нравятся эти переезды, здесь я могу восхищаться Зимним дворцом, который стоит рядом с Версальским. Хоть что-то интересное в этой унылой поездке. Там же находится пирамида Хефрена. Вокруг нее ночью часто любят собираться пауки, которые устраивают соревнования между собой, кто быстрее заберется на вершину. А после идут в паутинный дом, к шлюхам-мухам.

– Как вас зовут? – спросила рыба. Обычно никто не спрашивает мое имя, для меня это было даже как-то странно.

– Ди, – ответил я.

– Довольно незамысловатое имя. Скажите, Ди, почему вы используете кошек как средство для передвижения? Я долго думал, почему бы не использовать длинноногих слонов, – сказала рыба. Это звучало крайне глупо.

– Ха! Слоны долго боролись за равенство, вы знаете, что

за такие слова, вас могут посадить за решетку?

– Я знаю лишь то, что мир слишком несправедлив для котов и почему-то вдруг стал справедливым для слонов, – сказала рыба.

– Коты не прочь работать в повозках, иначе им не на что будет прокормить себя, – сказал я.

– Возможно, первое время им будет тяжело. Но впоследствии они адаптируются и займут важное место в обществе. Вы так не думали? Юный, Ди.

– Думаю, это стоит спросить у котов, – возразил я.

– Достаточно ли они образованы, чтобы ответить на столь глубокий вопрос? Расскажу пример, у нас даже низшие рыбы давно заимели равноправие. Многие из них работают на себя. Вот мой прапрапрадед имел хозяина, а прапрапрадед уже открывал свое производство после освобождения. Это ли не прогресс?

– Возможно, вы правы. Ну вот и храм Святой Марии, – сказал я.

– Приятно было с вами подискутировать, юный Ди, – сказала рыба, и краб вышел из моей повозки. Он понес аквариум к храму, а я случайно наткнулся на киоск с газетами «Скорость». Там был заголовок «Пожар в паутинном борделе». Меня это заинтересовало, и я отдал человеку-крапиве 25 ун за газету.

Небо было огненное. Солнце отливало красным. Мне было шесть, я смотрел, как отец в форме уходил на войну, которая длилась год. Этот год забрал много жизней, в том числе и его. Он не вернулся. Я каждый день ждал письма, любого известия. И однажды мне сообщили о его смерти. Меня определили в детский дом, отец был моим последним родственником. Маму я не помню, она умерла еще раньше. Постепенно лицо отца стиралось из моей памяти, но я почему-то на всю жизнь запомнил его форму. Темно-зеленая с черными полосами. Ее освещали огненные лучи, это все, что я помню.

В детском доме я познакомился с Одуванчиком и Спектром. Они были единственными, кто хотел дружить со мной. Остальные были злыми, жестокими. Война сделала многих жестокими, даже детей.

А потом сказали, что мы проиграли, и к власти пришли зоркие. Помню, как впервые увидел зорких, их черные кожаные костюмы, длинные клювы. Они часто были с летающими псами, у которых длинная вытянутая морда и тощее тело. Все псы черного цвета, их нюх невозможно обмануть. А вороны зорких казались мне в детстве особенно большими, словно самолеты.

Мы смотрели на них с осторожностью, Одуванчику стало страшно, но я не боялся. В этот день я их возненавидел за то,

что они сделали. За моего отца, за мою страну. Они разрушили все хорошее, что в ней было, расплодили коррупцию, бесчинство, появилась пропасть между высшим и низшим слоем населения. А также постоянная слежка с воздуха, собственная интерпретация своих же законов.

Несправедливое решение суда стало обыденностью. Ты можешь быть хоть тысячу раз прав, но в деле в итоге победит рыба-аристократ, у которой больше всего ун. Рабочим, вроде человека-крапивы нечего ловить. Они в основном работают на тяжелых предприятиях и выполняют самую грязную работу. Их зеленые руки очень стрекучие, но к старости становятся гладкими и обездвиженными из-за условий, в которых им приходится жить.

– Ди, ты что уснул?

Я испугался и чуть не выскочил из повозки. Передо мной стоял Одуванчик. Его белокурую охапку кудрей развевал легкий ветерок. На лице виднелась бледненькая борода, а руки были обвешаны разноцветными резинками. Он был одет в огромную лоскутную кофту, длиной до пола. На ногах сверкали заостренные туфли.

– Твою кошачью дивизию, уже вечер! Я и не заметил. Клиентов сегодня мало, – сказал я.

– Спектр уже уехал, пора и мне домой, – сказал он устало и погладил своего кота.

– Слушай, Оди, – иногда я называл его сокращенно, – как думаешь, что было бы с нами, если бы зоркие проиграли то-

гда?

Одуванчик сел в свою повозку.

– Прошное не изменишь, а заикливаясь на нем, мы те-
ряем будущее.

Я усмехнулся.

– Чертов засранец! Ненавижу, когда ты говоришь так се-
рьезно.

Я подошел к нему и потрепал по голове, его кудри спута-
лись.

– А я ненавижу расчесываться после того, как ты запутал
мои волосы, – возмутился Одуванчик.

– Вали уже. И передай Спектру, что этот предатель увел
у меня красотку.

Одуванчик что-то крикнул мне и скрылся вместе со сво-
ей повозкой. Перед тем как пойти домой, я решил переку-
сить в кафе. Я наскреб на ужин из лилий, чем был безмер-
но доволен. Для стеклянной воды денег, конечно, не хвата-
ло, пришлось покупать обыкновенные камни. Иногда я пред-
ставляю, как вместо камня беру маленький кусочек стекла,
он прислоняется к моему языку и превращается в чистей-
шую воду. Вода из камня не такая чистая. Но что мне нра-
вится в каменном море, вроде бы куча камней, но как только
ты к ним прикасаешься, они превращаются в воду. А через
некоторое время снова застывают. Настоящее блаженство.

Наступила ночь. Я сидел в своем ракушечном доме на ма-
леньком балкончике и наблюдал за обстановкой. Огромная

муха, напаялившая на себя кучу разной одежды уходила в паутинный бордель с жирным пауком. Я как-то был в паутинном доме, двери, мебель, стены, абсолютно все из паутины. Выглядит отвратительно, но паукам нравится.

Слева от меня пел церковный хор, играли колокола, а спереди разрывалась музыка из казино. Там просаживали свои уны богатенькие мужики-черви, оставив своих жен дома в одиночестве.

По руке у меня кто-то полз. Это была микро-лисица, они часто досаждали, особенно в жару. Я аккуратно смахнул ее и взглянул на небо. Мимо пролетел зеленый жирный воробей, который странно посмотрел на меня. Хотел бы я бросить в него что-нибудь за такой злобный взгляд.

Я перестал злиться, когда услышал музыку на железных шарах. Это был Бик, он снова пел и играл палочками. Это меня безумно радовало, парень не желал сдаваться даже под гнетом зорких. И в шуме этого безумного города раздавалось что-то действительно стоящее.

Я лег в гамак и открыл крышку люка на потолке, ведущую прямо к звездам. Сегодня их было особенно много. А на улице было особенно тепло. Под шум из окна я и уснул.

Этим утром у меня был выходной. Сегодня наступил важный для меня день, в кинотеатрах показывали мой любимый сериал. Его повторяли уже в третий раз, но я все равно ходил на него в кино. Билеты очень дешевые, всего лишь десять ун, газета «Скорость» стоит дороже. Я подошел к зеркалу и

поправил свои зеленые волосы. Сегодня я надел оранжевые линзы, мне нравилось менять каждый день свой цвет глаз. Вместо синего рабочего комбинезона я надел рваную футболку и джинсы.

По пути к кинотеатру мне встретилось несколько рыцарей, похоже, сегодня намечался турнир. А еще пять королей одновременно, довольно редкое явление, обычно они не любят появляться вместе. Хотя короли они лишь по названию, на самом деле это обычные жители, средний класс.

На рынке я соблазнился и купил ручку желаний. Нажимаешь на нее, и она выстреливает в воздух бодрящие фразы из серии: «Сегодня ты отлично выглядишь» или «Удача на твоей стороне». Наверное, слишком по-детски, но зато повышает настроение.

Возле кинотеатра всегда стояли зоркие. Каждый раз хочу плюнуть в их длинный клюв, когда прохожу мимо, но сдерживаюсь. Они всегда такие сконцентрированные, словно их готовили к этому всю жизнь.

Я зашел в кинотеатр. Здесь шло много разных фильмов, все они были о нашем мире. Например, сейчас шел фильм ужасов о восставших из-под земли людях-червях. И кому вообще пришло в голову, что человек-червь мог появиться из земли. Бред полный. И подобных фильмов полно, их часто рекламировали на ходячих телевизорах. Ненавижу такой вид рекламы, сначала телик на тонких ножках орет, что крутой режиссер снял очередной шедевр, а потом крутят трейлер.

Хотя, иногда с теликом можно поболтать, но обычно у телевизоров очень ограниченное мышление, собеседники из них так себе.

Но тот фильм, на который я иду, он особенный. Во-первых, в нем нет хаотично расположенных зданий, все дома примерно одной архитектуры, там нет извозчиков, а только автомобили, велосипеды (которые, кстати, не летают, что еще более странно). Коты там маленькие и выступают в роли домашних животных. Но что меня особенно радует, там нет жирных зеленых воробьев, честно, безумно надоели их отвратительные клювы. И все люди одинаковые, нет гибридов как у нас, а мухи вообще насекомые. Кажется, чистое безумие и фантастика. Но мне так нравится этот мир, что я готов смотреть эту историю снова и снова.

Сегодня первая серия моего любимого сериала. Он называется «Грань». Вообще, я никогда не смотрел его до конца. Походящему телику только недавно увидел, что теперь сняли продолжение к этому сериалу. Раньше он постоянно обрывался на одной и той же серии, а теперь я посмотрю его целиком. И это очень круто. Я зашел в зал с цветным облаком на палочке и приготовился смотреть. Рядом со мной сел слон в зеленом костюме.

* * *

Я глубоко вздохнул и посмотрел на небо. Мне на нос упал

маленький камушек, который тут же превратился в каплю. Похоже, начался дождь. Я закрыл люк, ведущий на крышу, и подошел к окну. Огромное солнце было на горизонте, огненно-красное. Неплохо было бы прогуляться.

На улице как всегда было шумно, проходя мимо рынка, продавцы в костюме поросенка зазывали меня. Это их обязательная униформа. В одной лавке продавались поющие абрикосы, можно хоть целый хор купить. Другой продавал домашний телепорт, они стояли безумно дорого, и многим были не по карману. У третьего были огромные мыльные пузыри для полета. Взглянув на четвертого, я подумал, что надо бы не забыть купить засушенных мышей моим котам на обратном пути. Пятый торговец, самый настойчивый, предлагал купить мне руки-уборщицы. Если тебе лень убираться, то бегающие роботизированные руки без проблем приведут дом в порядок. В конце концов, мне удалось отделаться от этого торговца.

Над головой пролетел велосипедист, который кричал что-то на испанском. Я шел по песчаной дороге, и слева от меня располагались готические строения. Рабочие заканчивали строительство Реймского собора, о нем я прочитал в газете. Очень необычно разглядывать такую громадину рядом с собой, но мне безумно нравится готика.

Справа от меня стояли покошенные деревенские дома. Особая история была у синего дома. Там жила курица-аристократка, которая оставила свое положение и деньги ради

науки. Кажется, эту курицу зовут Элис. Куры очень часто становились учеными, делавшими различные открытия, но родители этой курицы запретили ей заниматься подобным. Тогда она оставила все, стала нищей одиночкой.

Смог бы я оставить все ради своей мечты? И о чем я мечтаю? Моя мечта слишком нереальна, я хочу жить в мире из сериала «Грань». Такому не бывать. Таких миров просто не существует, где на завтрак ты ешь яичницу, а дождь выглядит не как груда камней, падающих с неба.

В череде долгих мыслей я не заметил, как время пролетело, и я пришел к саду дождей. Я подошел к одному из деревьев и снял с него висящую каплю, на ее месте тут же выросла другая. С неба на меня упал лист, кажется, начался листопад. Частое явление здесь. Все деревья росли на примерно одинаковом расстоянии где-то два метра друг от друга. Я подошел к самому толстому дереву и прислонился к нему. Иногда складывалось ощущение, что в одном дереве больше жизни, чем во всем городе. Меня постепенно окружали падающие листья, их было очень много.

Неожиданно я услышал чьи-то голоса. Я медленно выглянул из-за дерева, неподалеку стояли двое зорких с большими воронами на привязи. Они редко бывали в таких местах, это довольно странно. Я решил прислушаться к их разговору.

– Возможно, скоро мы его найдем, – сказал первый зоркий.

– Почему нельзя просто все подорвать? Так было бы про-

ще, – предложил второй.

– Если бы все было так просто, мы бы давно снесли этот чертов мир. Это делать запрещено Его условием было то, что мы должны его найти. И с каждой ошибкой найти его будет все сложнее.

– Значит, если мы снова ошибемся и убьем не того... – сказал второй.

– Мы еще дальше отдалимся от истины. ОН считает, что он обязательно будет среди тех, кто смотрит «Грань». Он просто не сможет быть равнодушным к этому сериалу.

– Это довольно смешно, смотреть на то как...

Послышался шорох.

– Здесь кто-то есть, – сказал второй.

Я напрягся. Со лба скатилась капля пота. Из дерева вылетел зеленый воробей.

– Чертовы воробьи, – сказал первый.

– К черту воробьев, нужно убираться отсюда. В этом городе стало строиться слишком много церквей, во всем виновата она. Убил бы ее своими руками.

– Убить их всех, – сказал первый.

– Убить всех, – повторил второй.

Они сели на воронов и взлетели. Я смотрел на то, как двое зорких исчезали в закате огромного солнца. Я не мог поверить в услышанное. Мой мир перевернулся в этот миг. Они не просто нас ненавидели, они хотели нас убить. И что самое ужасное, они кого-то искали. Кого-то, кто сильно увле-

чен сериалом «Грань».

* * *

Со Спектром и Одуванчиком мы договорились встретиться в вакуумном кафе. Это такое кафе, где столик огорожен большим звукоизолирующим пузырем, отличное место, где ты можешь поговорить с кем-то и быть уверенным, что никто не услышит твой разговор. Преступники любят это место, а еще тут частенько бывают зоркие и что-то подолгу обсуждают. Я зашел в один из таких пузырей и заказал лилию, скоро подошли мои друзья.

– Давно не виделись, – сказал Одуванчик. Он был одет в длинное белое одеяние, перевязанное черным поясом. Спектр сегодня был в балахоне из разноцветных лоскутков и в новой шляпе, на которой был нарисовандвигающийся кот. Этот кошара так уставился на меня, словно я был засушенной мышью из магазина «Жизнь и коты» (магазин для элитных кошек).

– Сегодня я случайно подслушал разговор двух зорких, – начал я.

– И? – спросил Спектр и записал заказ на листочке, который запустил в всасывающую трубу. Она вела прямо к официантам, так исключалась даже возможность случайного подслушивания разговора персоналом заведения.

– Они говорили о том, что ищут человека, который сильно

увлекается сериалом «Грань». И что они хотят убить этого человека. И убили бы всех в этом городе, если бы это было бы возможно.

– Нет, конечно, я слышал, что они часто проворачивают темные дела. Но чтобы мечтать убить весь город, – сказал Одуванчик, и к нему спустилась тарелка с одуванчиком. Он принялся поедать ее с превеликим наслаждением.

– Теперь тебе страшно смотреть сериал «Грань»? Потому что они ищут увлеченного этим сериалом, – сказал Спектр.

– Я не боюсь, но... Не могу понять, что такого особенного в этом сериале. Это же просто сериал, который крутят в кинотеатре. Его многие смотрят, – сказал я.

– Но немногие пересматривают, – сказал Спектр.

– Но это естественно. Кому-то нравится мир этого сериала, и они его пересматривают, а кому-то хватило одного раза, – сказал я.

– И они возвращаются к своей обычной жизни, забыв о том, что увидели, – сказал Одуванчик.

– Что? – спросил я.

– Не важно, – Одуванчик улыбнулся и отодвинул тарелку.

– Скажи, Ди. Продолжишь ли ты смотреть дальше то, что тебе нравится? Или отвернешься? – спросил Спектр.

Я задумался. С одной стороны мне было страшно после услышанного чрезмерно увлекаться сериалом, но с другой... Не хотел прогибаться под зорких. Хотя я мог бы забыть про этот мир и жить обычной жизнью, но с каждой серией мне

хотелось это делать все меньше и меньше. Странное ощущение.

Я посмотрел на друзей, они выглядели задумчивыми. Обычно они себя так не вели, скорее, казались даже легкомысленными, но сегодня на них нашло что-то странное. Я встал из-за стола и сказал им:

– Думаю, мне нужно подумать над этим. Я позже вам отвечу. А теперь мне нужно идти.

Я попрощался с друзьями и вышел из кафе. Спать не хотелось, и я решил прогуляться по ярким ночным улицам среди висящих в воздухе фонарей. В кварталах побогаче дороги горели разными цветами. Там почему-то любили гулять длинноногие слоны, которые всего каких-то десять лет назад выходили на митинги и боролись за равноправие. Что странное, у них получилось, теперь за оскорбление слонов можно было здорово схлопотать. Их приравнили к людям.

Задумавшись о словах зорких, я случайно наткнулся на синий дом курицы-аристократки. Шторы на нем были завешаны, а на железной двери было множество узоров. Элис редко выходила на улицу, я видел ее лишь однажды. Когда она покупала себе еду на месяц вперед. Я хотел пройти мимо этого дома, но вдруг входная дверь открылась. И может мне показалось, а возможно нет. Но я услышал свое имя. Кто-то меня позвал. А точнее она. Дорожка к ее дому подсветилась розовым светом, но по-прежнему не было видно, что находилось внутри дома.

Мое любопытство взяло верх. Я медленно пошел к открытой двери, которая захлопнулась за мной. Темнота. И тут неожиданно включился свет, такой яркий, что я закрыл глаза. Я надеялся увидеть перед собой лабораторию с кучей современного оборудования. Но здесь не было ничего такого. Слева от меня стоял шкаф с кучей пыльных разноцветных колбочек, какие-то книги «Магия и наука», «Неотъемлемая связь науки и волшебства», «Магические свойства плутония».

— Моя история была изменена, — слышался женский голос. — Чтобы избежать позора, была придумана версия, что мои родители были против моего чрезмерного увлечения наукой. На самом деле, они отреклись от меня из-за моего мировоззрения по поводу связи магии и науки. Общество «куриных ножек» отрицает существование магии, я же считаю, что наука и магия взаимосвязаны. Эти книги я с трудом отыскала в разных уголках города. Практически нет литературы на эту тему.

Элис стояла возле окна на другом конце коридора. На голове у нее была маленькая шляпка, а на ноге красный бантик. Все ее перья были белыми. Ростом она была чуть выше меня, рядом с ней я заметил помощника-спичку. У каждой курицы или петуха, которые занимались наукой, были помощники, так как самим им было трудно выполнять различную работу. У спички были маленькие ручки и ножки, зато они очень ловкие и быстрые. Довольно трудолюбивые и

преданные, часто готовы умереть за своего хозяина.

– Почему ты впустила меня в свой дом? – спросил я. Элис села на голубой диванчик, который стоял напротив столика-многоугольника.

– Я часто вижу в окно, как ты проходишь мимо моего дома. И у тебя особенный взгляд, не такой, как у других. Другие слишком погружены в этот мир, ты же погружен в нечто другое. Прошу, не стой возле двери, мне неудобно так разговаривать.

Я прошел по коридору и сел на кресло. В камине по кругу танцевали угольки.

– Так забавно, им всегда весело. Думаю, даже если этот мир однажды исчезнет, они все равно будут танцевать, пойдем, я тебе кое-что покажу, – сказала Элис.

Мы вышли из гостиной и подошли к комнате в конце коридора.

– Открой ты, – сказала она.

Мы зашли в комнату и первое, что я почувствовал, это запах старых деревьев. Хотя немного еще пахло какой-то химией. Элис включила свет, и передо мной открылось небольшое помещение с разными предметами. В шкафах стояли баночки с записками, в углу висела черная прямоугольная картина. Статуэтки королей, дам червей и пики. Небольшой мопед и в самом центре висел костюм. Этот костюм привлек особое внимание, словно был ключевым предметом. Он был серебряного переливающегося цвета. Я потрогал материал,

на ощупь он оказался гладким и мягким.

– Это костюм-невидимка. Ты станешь невидимым, если наденешь его, – сказала Элис.

– Да ну. Невозможно.

– Магия и наука. То, что отрицали мои родители. То, что мне удалось сделать. Я подарю тебе этот костюм в обмен на одно условие.

– Какое? – спросил я.

– Ты должен будешь пробраться в нем в логово зорких и достать одну книгу. А потом принести мне.

Я схватился за голову.

– Это невозможно. Пробраться к ним, просто безумие, – сказал я.

– Не безумие, если ты будешь в этом костюме. К тому же он станет твоим, если ты достанешь эту книгу.

– Что за книга такая? Почему она так тебе нужна? – спросил я.

– Тебе же нравится сериал «Грань», и ты чувствуешь необъяснимую тягу к этому миру. Тогда ты должен понимать, что я ощущаю сильную тягу к миру той книги, которую прячут зоркие.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Ты пересматриваешь сериал по несколько раз, ходишь с одной и той же книгой мимо моего дома. Тут легко предугадать.

Я посмотрел на костюм. С одной стороны мне самому хо-

телось узнать, что происходит у зорких, и тут выпал такой шанс. Но с другой... Кто я такой? Разве я герой, который должен что-то изменить? Разве я отношусь к людям, которые совершают перевороты? Разве именно я должен сделать что-то особенное? Я ведь не солдат, не шпион, я обыкновенный извозчик, который ненавидит свою работу. Я просто...

– Почему я а не кто-то другой? – спросил я.

– Ты тот, за кем я долгое время наблюдала из окна.

– Но разве я смогу вот так взять и проникнуть...

– Зоркие хотят все уничтожить, – сказала Элис.

– Откуда ты знаешь?

– Однажды, когда я жила еще с матерью и отцом, зоркие были в нашем доме. Это был ясный солнечный день, они стояли в саду и ждали отца, а я тогда играла, но, заведя их, спряталась. Они говорили, что ненавидят этот мир и хотят его уничтожить. Отец в тот день отдал нашу книгу им, за которой они пришли. Книгу под названием К. Р. Е.Д.И.

В ее глазах я увидел грусть, Элис отвернулась. Мне стало ее жалко, но я до конца еще не мог совладать с мыслью проникнуть к зорким.

– Где находится эта книга? – спросил я.

– Она находится на самом видном месте, ее легко заметить, но сложно украсть.

– Можно мне подумать? – спросил я.

– Возьми костюм с собой. Если решишься, иди сразу туда.

Элис посмотрела на помощника-спичку, и он молча до-

стал костюм. За все время он не издал ни звука, неразговорчивый тип. С небольшой коробкой в руках я вышел из синего дома, но, перед тем как уйти, оглянулся. Слабый силуэт Элис я видел из окна. Ее потухший взгляд провожал меня, пока я не скрылся из виду, держа в голове желание пойти в кинотеатр.

* * *

Я снова сходил в кинотеатр. Рискованно. Но я не могу не смотреть этот сериал. Я все гляжу на этот костюм и думаю, стоит ли... Спектру и Одуванчику я не рассказывал, они наверняка будут меня отговаривать.

Я не герой и никогда им не был. Я не тот, кто будет говорить о благе общества и этого мира. Но я тот, кто ненавидит, когда от меня что-то скрывают. И, наверное, еще я хочу помочь Элис. Странно, но в тот день мне показалось, что мы очень похожи. Наша странная тяга к неизвестному.

Стоит ли делать этот шаг? Ненавижу зорких, ненавижу их власть. Все в них отвратительно. Я посмотрел в окно, там по-прежнему был шум, галдеж. Смрад, грязь, хитрые лица продавцов и лишь иногда попадалось то, на чем можно было заострить внимание.

Я отошел от окна и надел костюм невидимости. Всю дорогу я думал о том, нужно ли это мне. Иногда мысли мешают, порой лучше избавиться от них, они как паразиты, жрут

тебя потихоньку, а ты вроде соглашаешься с этим.

Наконец, я пришел к штабу зорких. За толстым забором высокое здание почти доставало до неба. В нем не было ни одного окна, но это не мешало зорким видеть все. Я спрятался, теперь осталось только дожидаться повозки, тогда ворота откроют. С каждой секундой мне все меньше хотелось туда идти, но мысль о том, зачем они охотятся на тех, кто увлечен сериалом, не отпускала меня.

Я услышал топанье кошачьих лап. Подъезжала повозка. Мне нужно было только решиться да или нет. Одно чертово решение!

Я сделал шаг в сторону остановившейся повозки. Ворота открылись. Повозка проехала внутрь, я замешкался. Вдруг оттуда я уже не вернусь. Вдруг меня поймают, и я там умру.

Ворота начали закрывать. Твою кошачью дивизию! А плевать! Я побежал и чуть не опоздал, ворота закрыли. Я оказался на территории зорких, откуда никто не возвращался. Теперь нужно было узнать, где находится эта книга, описание Элис мне мало чем помогло, слишком уж оно расплывчатое. В первую очередь я решил оглядеться. Здесь было полно зорких в одинаковых костюмах. Я отошел в сторону, чтобы случайно не столкнуться с ними.

Это было похоже на мегаполис с кучей работников, у каждого свое задание. Все они куда-то нервно спешили. Здесь не росло ни одного растения. Все было серым, по ходу зоркие помешаны на этом цвете. Территория довольно большая,

но выглядела голой. Кроме высокого здания и одинаковых прямоугольных домиков без окон ничего не было. Разве что тюрьма для особых заключенных.

Я пошел вперед в надежде найти эту книгу. Зоркие вызывали лишь презрение. С виду идеальное место, ни соринки, даже пыли нет. Но как нет ничего идеального, так и здесь среди показушной стерильности пахло мерзостью.

В поисках чертовой книги я наткнулся на тюрьму, о которой ходило много слухов. Говорили, что пытки здесь до дикой степени невыносимые. Это ясно по крикам, доносящимся отсюда каждый день. Я взглянул на одну из решеток, и заметил парня с выколотыми глазами. Его изрезанное лицо было таким уродливым, что без жалости смотреть невозможно. Я подошел к окну и заговорил с ним.

– Давно ты здесь? – спросил я.

– Ты кто?

– Мне нужно найти одну книгу. Возможно она в высоком здании, но я не знаю где именно, а здание это здоровое, – сказал я.

– Стоп. Ты не зоркий и не в тюрьме? Как они тебя не заметили?

Вблизи этот парень выглядел еще более измученным. Он протянул к решетке руку, на которой остался лишь один указательный палец.

– Скажи, это они с тобой сделали? За что они тебя так? – спросил я.

– Они тебя убьют, если найдут. До того, как они оторвали мне все пальцы и выкололи глаза, я видел одну книгу на площади. Она лежит в самом центре. Но она того не стоит, беги отсюда пока можешь. Они хуже убийц. Хладнокровный убийца уничтожает жертву сразу, избавляет от мучений. Они же наслаждаются мучениями, им нравится уничтожать все. Кромсать плоть. Ты видишь лишь мое лицо, взглянешь на тело, сойдешь с ума.

Послышались шаги. Мое сердце бешено забилося в груди.

– Ответь мне только на один вопрос. За что они так с тобой? Что ты сделал? – спросил я.

Зоркий повернул ключ.

– Я смотрел «Грань», – ответил он.

Дверь открылась, и я увидел зоркого с небольшим сундуком в руках. Заключение отвернулся от решетки и зажался в угол. Двое здоровых зорких схватили его и повели из камеры. Он кричал:

– Будьте вы прокляты! Я вас ненавижу!

– Я сегодня с твоим любимым сундуком. Тебе же он так нравится, – съязвил зоркий. Заключение бился в истерике:

– Прошу, убейте меня скорее! Только не этот сундук, только не этот чертов сундук! Пощади! УБЕЙ МЕНЯ!!!

Его с воплями повели на выход, последнее, что он выкрикнул было:

– Отсюда никто не возвращался!

Я понял, он кричал это мне. Зоркий с сундуком улыбнулся.

ся и глянул в окно. Его взгляд показался мне странным и в какой-то мере пристальным. Он смотрел прямо на меня, будто костюм перестал действовать. Я перестал дышать. Какого черта он на меня смотрел? Меня же не видно. Он подошел ближе, его длинный нос уткнулся в прутья.

И тут до меня дошло.

По мне ползали микро-лисицы, выглядело это так, будто они бегают по воздуху. Но это невозможно. Бежать? Сейчас? Смахнуть? Что делать?

Зоркий резко нажал на кнопку, и по всей округе взвыла сирена. Я смахнул чертовых лисиц и побежал прочь. Зоркие засуетились, но они еще не поняли, кого искать. Знал только он, у меня есть время. Но сколько? Книга, чертова книга. Главные ворота уже были закрыты. Можно только проскользнуть с другого выхода. Я побежал к нему.

На пути я чуть не столкнулся с зорким. Возможно, они думают, что сбежал заключенный. В жизни мне еще не было так страшно, все зоркие достали оружие. Я добежал до площади. Эта книга лежала на пьедестале, они ее даже не охраняли. Это казалось удачей. Обходя толпу бегающих зорких, я побежал к этой книге и быстро схватил ее. Ее последняя страница тут же сгорела. Я засунул ее под костюм и почувствовал жар. Черт, я не донесу ее такими темпами до Элис.

Некогда думать о дурацкой книге, нужно выбираться отсюда. Внезапно по всей территории раздался голос. Сирена прервалась.

– Невидимый человек проник на территорию! Используйте порошки, чтобы обнаружить его! Закройте все ворота!

Пока он говорил, я бежал не останавливаясь. Бешеный адреналин долбил в голову, я еле успевал увернуться от обезумевших зорких, которые беспорядочно бегали по территории.

– Порошки с неба! Все садимся на воронов!

Я посмотрел налево, зоркие готовились к взлету. И в эту секунду я врезался в другого зоркого. Мы оба упали, меня отбросило в сторону. Я так сильно ударился ногой, что еле поднялся. Зоркий тут же закричал:

– Он здесь! Я с ним столкнулся!

Я побежал к воротам, но те уже закрыли. Все выходы заблокированы. Я взаперти, мне не выбраться из этого места. Половина книги уже сгорело. Нужно спрятаться, но долго ли я смогу скрываться.

Я посмотрел на ворона и зоркого, стоящего рядом с ним. У меня был последний шанс.

– Садимся на воронов! По моей команде взлетаем!

Я подбежал к одному из зорких и сел позади него. Кажется, он не заметил. Главное, чтобы он не двинулся назад и ничего не почувствовал.

– Взлетаем!

Мы взлетели. Я вцепился в ворона. Пока они сбрасывали порошок, я надеялся, что этот зоркий все-таки приземлится где-нибудь в городе. Если он вернется, все кончено. Придет-

ся прыгать с ворона, если он даже высоко пролетит над городом. Умереть мгновенно от падения лучший вариант, чем попасться и сдохнуть от боли и пыток. Этот ворон летал над территорией зорких. Черт, не могу я снова вернуться в то же место, это безумие.

– Летим севернее, кажется, кто-то его заметил там, – командовал их командир. Не знаю, какой идиот решил, что я там, но благодаря этому, вороны выстроились и сделали большую дугу. Эта дуга выходила за пределы ворот, но прыгать на землю... Стоит ли умирать или же подождать, что будет дальше... А если они меня заметят?

Я решил, что лучше умру сейчас. Деваться было некуда. Я приготовился прыгать. Скоро подходила наша очередь, и мы пролетим за территорией.

Осталось пять воронов, и я должен буду прыгнуть.

Четыре. Я мысленно попрощался с жизнью.

Три, интересно, Спектр и Одуванчик будут по мне скучать.

Два. Почему перед смертью такие идиотские мысли.

Один. Ну, вот и пришел конец. Я уже готовился прыгать, как вдруг ворон пошел на спуск. Почему?

– У моего ворона какие-то проблемы, – крикнул зоркий.

– Срочно возьми другого, этого загони!

Ворон резко приземлился в городе возле ворот, и я тут же с него спрыгнул. Неужели удача сегодня на моей стороне? Но расслабляться было некогда. Я с горящей книгой побежал

как можно дальше.

Я не останавливался, кажется, книга уже прожгла мою футболку. Огонь был слабым. Таким темпом она вся скоро сгорит. Я быстро снял костюм за углом и вытащил книгу.

Пошел дождь. Камни прикасались к книге и превращались в капли. Она перестала гореть. Теперь нужно было отдать книгу Элис. Я в спешке побежал к синему дому. В голове я несколько раз прокручивал, как рассказываю ей все, что случилось.

Оказавшись возле синего дома, я увидел огромное пламя, охватившее весь дом. Огонь отражался в глазах глядящих на дом людей. Один рыцарь кричал:

– Вызовите пожарных!

Кто-то говорил:

– Элис так и не спасли! Она сгорела заживо! Это был поджог! Среди белого дня!

Я посмотрел на того, кто это кричал. Это была муха. Ее быстро увели отсюда, а я стоял не в силах пошевелиться и что-то сделать.

* * *

Мне было страшно открывать остатки книги Элис, я тут же ее спрятал. Целая армия зорких бродила по городу и вынюхивала. Я боялся выйти из дома, выглядывать из окон. Для проверки зоркие зашли даже в паутинный дом, четверо,

не меньше. Я нервно стучал пальцами и думал, куда спрятать костюм.

Послышался стук в дверь. Меня передернуло. Тело оцепенело, как если бы меня замуровали в цемент. Я быстро пихнул костюм и книгу в шкаф, хотя это была и не лучшая идея. При желании псы зорких быстро найдут улики. В дверь начали ломиться, ноги стали ватными. Кто-то закричал:

– Ди, открой! Это Спектр и Одуванчик! Открой нам дверь!

Я узнал их голоса, от радости сорвалось дыхание. Я быстро открыл дверь. Они испуганно смотрели на меня, Спектр тут же забежал в дом, Одуванчик немного замешкался.

– Ты слышал, что творится? – спросил Спектр.

– Зоркие кого-то рыщут, – сказал я.

– Они заходят в каждый дом и выворачивают все. Скоро они придут к тебе, – сказал Одуванчик. – Что они ищут?

– Я лишь слышал, что кто-то проник на их территорию, или кто-то сбежал из тюрьмы. Последний вариант кажется более правдоподобным. Зачем кому-то понабилось проникать к зорким? Это же безумие, – сказал Спектр.

– Ди, у тебя есть что-то запрещенное? – спросил Одуванчик.

Я встал перед выбором, рассказать им сейчас или скрыть.

– Зоркие ищут меня, – сказал я. Спектр и Одуванчик, которые до этого оживленно разговаривали, синхронно замолчали и посмотрели на меня. Особенно запомнилась дергаю-

щаяся бровь Одуванчика.

– Ты решил пошутить? – спросил Спектр.

Я рассказал им про то, что был у Элис и всю историю, которая случилась на территории зорких. Они тут же захотели взглянуть на книгу, и я показал им ее.

– И о чем она? – спросил Одуванчик и засучил рукава на своем черном длинном халате.

– На самом деле я еще не открывал ее. И часть страниц сгорела, пока я нес ее, – ответил я.

– Нам нужно срочно избавиться от нее, пока они не нашли ее. И от костюма, – сказал Спектр.

– Неужели нет ни одного способа сохранить костюм? – спросил я.

– Уже нет, мы не успеем. Они придут раньше, чем мы что-то сделаем, – ответил Спектр.

– И что нам делать с ним? – спросил Одуванчик. Мы все посмотрели на камин.

– Думаю, больше мы не успеем уже ничего сделать, – сказал Спектр. – И книгу тоже надо сжечь.

– Давайте хотя бы быстро прочитаем, что там, – предложил Одуванчик.

– Если хочешь, читай вслух, а я пока разведу огонь в камине, – скомандовал Спектр. Я отдал книгу Одуванчику, и он начал читать.

Подпись: К. Р. Е.Д.І.

«Покажите мне настоящую тишину, чтобы забыться. Расскажите мне, где я могу найти покой. Я долго искал тот путь, по которому мне следует идти, но я так и не нашел его. И больше не найду. Мне так хотелось создать что-то невероятное, но я ошибся, думая, что смогу это сделать. Видите ли, не все, о чем мы мечтаем, сбывается.

Я понял, что важна не только цель, но и дорога, по которой ты идешь к ней. Прозрение приходит не сразу, оно не часть тебя, оно не рождается вместе с тобой на свет, оно дается тебе лишь тогда, когда ты прошел огромный путь, тяжелый, совершил десятки ошибок. И ничего уже нельзя исправить, повернуть, разложить так, как тебе нужно. Жизнь любит бить по самым больным местам. Потихоньку откройте ворота. Я хочу умереть».

Подпись: К. Р. Е.Д.І.

«И тогда я спросил себя, зачем... Почему я делаю это? Почему мне вдруг понадобилось изменить весь этот чертов мир, разнести в порошок? Все просто, так больше не могло продолжаться. Я мечтал расквитаться, мечтал освободить себя

раз и навсегда. Другого выхода у меня не было. Они бы преследовали меня. Мир кому-то может представляться прекрасным, вдохновляющим, но только не мне. Из-за некоторых ублюдков он испорчен. Он мог бы быть лучше, если бы не они.

Я всегда чувствовал за собой предназначение, знал, что должен сделать что-то сумасшедшее. Я готовился изменить сегодняшний день, остановить стрелку часов, но все время трусил, отговаривал себя, выжидал. Но больше ждать я не могу. Сегодня все начнется, осталось сорок пять секунд, и я это сделаю».

Подпись: К. R. E.D.I.

«Я забежал в класс и убил своего учителя, которого ненавидел. Я выстрелил в него, он это заслуживал, так как насмехался надо мной в тот момент, когда я растерялся возле доски. Я видел на его лице насмешку, поэтому мечтал убить его. Сейчас он дергается в конвульсиях, и мне его не жалко, я рад, что он наконец-то сдох.

Лица моих одноклассников. У них были такие рожи, кто-то закричал, а я сказал заткнуться и направил на них пистолет. Они сразу умолкли, их глаза, словно у мыши, загнанной в угол, сверкали от страха. Я посмотрел на Артема, его рожа выглядела отвратительнее всех, он знал, что я смотрю на него,

и боялся, что следующим будет он. Ведь все эти годы он издевался надо мной, пихал голову в унитаз, читал всему классу мои переписки в телефоне, глумился, швырял вещи со своими уродами. Они здесь были, все были, для меня это была удача, все были в сборе.

Никогда еще сердце так бешено не билось. Я понимал, что назад пути теперь нет, мне оставалось только завершить начатое, и начать я собрался с Гришии. Он заодно с Артемом девятнадцатого февраля ровно в одиннадцать утра избивал меня, я не мог им дать отпор, их было много. Я направил пистолет на Гришиу, он дернулся и начал отпираться:

– Эй, ты чего? Ты чего блин творишь? Какого хрена?

Он нервничал, такое ощущение, что готов был обоссаться от страха, как трусливый урод. Они должны ответить за все, что со мной сделали, если они думают, что смогут спокойно жить дальше, я сделаю так, что они никогда не забудут этот день. Я буду тем, кто ломает их психику, они ее не восстановят, я совершу революцию над ними.

– Девятнадцатое февраля одиннадцать утра. Ты три раза меня ударил ногой по голове, потом в живот, говорил, что мало, нужно еще.

– Слушай, я не хотел, прости меня! Прости!

Он встал на колени и зарыдал, как сопливая девчонка. Он выглядел таким жалким беспомощным уродцем, я не хотел на этом останавливаться:

– Сейчас ты трясешься за свою поганую жизнь, как последний ублюдок. Ты боишься, ведь я прямо сейчас

могу выстрелить в тебя, я даже не моргну, когда это сделаю. Ты так боишься потерять свою гнусную жизнь, в которой отец – алкоголик, а мать – самая настоящая шлюха. Да, если кто не знал, его мать шлюха! И даже сейчас, когда любой другой убил бы меня за эти слова, ты стоишь как урод и боишься пошевелиться. А вот скажи, если бы мы были на войне, и я был бы твоим врагом, и я сказал, что сохраню тебе жизнь, если ты сдашь своих? Если ты сейчас расскажешь все о своем дружке, ты это сделаешь, а?

Я направил пистолет на Илюху, он затрясся, стал елозить на стуле, его рожа на вид стала такой паршивой, будто по ней проехал грузовик. Он вцепился в стул, а я снова направил пистолет на Гришу.

– Ну, так что, расскажешь, что сделал твой дружок на той вечеринке? А? Или мне прострелить тебе бабку прямо сейчас?!

– Я скажу! Скажу!!! Не стреляй!!! Только не стреляй!!!

– Только попробуй рассказать, – пригрозил ему Илюха.

– А ты заткнись! – заорал я. Мы все ждали, что нам расскажет Гриша.

– На той вечеринке, это Илюха изнасиловал твою сестру. Это был он.

Я следил за тем, как отреагировал класс. Многие знали об этом, но не все. У некоторых от этой новости отвисла челюсть. Они молчали, боялись. Я был их судьей, который решал, останется ли кто-то из них в

живых.

– А ты! Что делал ты? – спросил я.

– Я... я ничего не делал... Я не хотел ее насилловать.

Гриша зарыдал, меня тошнило от этой сцены, этот трусливый урод всегда старался показаться крутым, хотя на самом деле был обыкновенным козлом. Я направил пистолет на Илью.

– Оказывается, не такой уж я и урод. На твоём фоне я разве что не святой. Гриш, слушай внимательно сейчас. Я ставлю тебя перед выбором. Думай, времени у тебя мало. Ты хочешь, чтобы я прикончил твоего друга?

Гриша посмотрел на меня заплаканными глазами:

– Не трогай его, он повел себя как козел, но не убивай его, пожалуйста!

– То есть ты не хочешь, чтобы я убивал его?

– Да, я не хочу, чтобы ты убивал его.

– Но ведь тогда придется умереть кому-то другому. Например, тебе. Ты бы отлично подошел. Я не убью твоего друга, а выстрелю тебе в башку прямо сейчас, как тебе?

У него была истерика, он зарыдал сильнее, захлебываясь в собственных слезах. Гриша по-прежнему стоял на коленях, он не мог подняться. Илья смотрел на меня выпученными глазами, он закричал, начал умолять, чтобы я не убивал его.

– Не убивай! Я сяду в тюрьму, только не убивай! – кричал Илья.

– Моя сестра тоже умоляла тебя, ты ее не

послушал. Ну, так что, Гриш, – я направил на него пистолет, – я выстрелю в тебя, если ты не скажешь, чтобы я выстрелил в твоего друга.

– Хватит! Зачем ты это делаешь? – закричал мне кто-то из класса, я не обращал внимания.

– Итак, насчет три. Раз...

Он рыдал сильнее, вырывал волосы с головы, его сопли потекли на пол.

– Два...

– Убей его!

Я выстрелил Илье в голову. Он сидел за партой один, его голова упала на стол, из раны потекла кровь. Она стекала по парте, потом начала капать на пол. Гриша не мог остановиться, не мог посмотреть на мертвого друга. Это был первый человек, чью психику я сломал.

– Молодец, Гриш. Bravo! Ты только что убил своего друга! За это я сохранию тебе жизнь, за которую ты так трясся. Живи!

Я посмотрел на Артема и усмехнулся. Его вырвало от одного моего взгляда, он догадался, что его я оставляю напоследок, и его участь будет самой ужасной. Ведь это он предложил изнасиловать мою сестру».

Подпись: К. Р. E.D.I.

«Это был конец. Кровь моего врага хлынула из его шеи во все стороны. Она обрызгала некоторых моих

одноклассников, я убил Артема. Теперь моя душа была спокойна. За окном люди кричали мне: «Сдавайся! Еще все можно изменить!». Изменить уже ничего нельзя, меня или сошлют в психушку или посадят. Скорее всего, даже покажут в новостях. Если честно, мне плевать. Я делал это не ради славы, привлечения внимания, а чтобы отомстить. Правильно ли я поступал? Возможно, нет, может где-то был другой способ. Я не знаю, никто не был со мной рядом, чтобы этот способ показать.

Я вот думаю. Стоит ли сдаваться. Или, может, спустить курок?».

– Кажется, это все, – сказал Одуванчик.

– Вот и отлично, я как раз развел костер. Ничего интересного в этой книжке нет, так что...

Спектр не договорил. В дверь постучали.

– Откройте дверь или нам придется ее выломать! – кричали зоркие.

Спектр тут же вырвал книгу из рук Одуванчика и бросил ее в огонь вместе с костюмом. Книга сгорела почти сразу, но костюм никак не мог догореть. От него пошел кислотный запах.

– Эта вонь нас убьет, – сказал Спектр.

– Костюм еще не догорел, – сказал Одуванчик.

– Выламываем дверь! – крикнули зоркие.

– Стойте! – закричал я. – Я сейчас открою. Я подошел к двери и стал ковыряться с ключом. Но это не помогло.

– Быстрее, – скомандовали они.

В дверном проеме появилось трое зорких, с ними были летучие собаки. Длинные носы зорких едва ли не упирались мне в лицо.

– Чем тут воняет? – спросил зоркий и зашел внутрь. Остальные прошли за ним.

От растерянности я посмотрел на Одуванчика и Спектра. Они успели усесться за стол и зачем-то рассыпали цветочный порошок по всему столу. Одуванчик что-то рисовал.

– Теперь твой ход, – сказал он Спектру и взглянул на меня. – Зря ты отказался с нами играть, а твой колокольчиковый штрудель ужасен. Не думал, что он будет так вонять. Хреновый из тебя повар.

Я чуть не подавился.

– Просто колокольчики были несвежие, – прокомментировал я.

Зоркий посмотрел на камин, там горели колокольчики. Последний кусочек костюма поглотил огонь.

– Сегодня вечером было совершено несанкционированное проникновение на территорию зорких, а также похищена книга. В целях поиска преступника мы проведем обыск вашего... помещения, – зоркий презрительно оглянул мое жилище.

– Конечно, – сказал я и сел за стол к Спектру и Одуванчику. Они играли в карты совершенно странным образом.

– У меня туз червей, я выиграл, – сказал Одуванчик.

– Нечестно постоянно рисовать себе козырей. В этот раз туза должен был я нарисовать, – возмущался Спектр. Я посмотрел на рисунки из цветочного порошка. Зоркие не обращали на нас особого внимания, мне было отвратительно оттого, что они рылись в моих вещах. Один из них достал мою книгу «Грань» и взглянул на недавний билет из кинотеатра, который я забыл выбросить.

– Нравится ходить в кино? – спросил он.

– На самом деле нужно как-то отвлечься от работы. Каждый день возить жирных пауков с тощими слонами удовольствия не доставляет. Другое дело, попадались бы красотки, – сказал я, и его это развеселило.

– «Грань» очень необычный сериал. Не так ли? – спросил зоркий.

– Так и есть, но меня он интересует ни больше, ни меньше, чем другие фильмы. Вы смотрели фильм «Пустые знаки земли?»

Зоркий положил мою книгу на место, остальные молча обыскивали мой дом дальше. Спектр и Одуванчик делали вид, что ничего не замечают и погружены в игру.

– Интересная концепция, пересматривал пару раз. Как тебя звать?

– Ди, – ответил я.

– Если ты хоть иногда читаешь газеты, то ты знаешь, что все актеры, создатели сериала и книги «Грань» умерли при странных обстоятельствах, а их настоящие имена стерты.

Жалко, наверное, не иметь возможности наблюдать за кумиром, – сказал зоркий, он перебирал какие-то мелкие бусины. Его черный клюв был длиннее, чем у других двух зорких.

– У меня нет кумира. Это же обыкновенный сериал, – сказал я.

– Валет пики! – внезапно выкрикнул Одуванчик.

Зоркий исподлобья посмотрел на меня. Отражение линз ослепили мои глаза.

– Приятно было поболтать, Ди, – сказал зоркий.

– Мы закончили. Подозрительных или запрещенных вещей не найдено, – сказал один из тех двоих.

– Возможно, еще как-нибудь свидимся при более удачных обстоятельствах, – сказал зоркий и пошел к выходу.

– Возможно, – сказал я и подождал, пока выйдут остальные «гости», и сразу же хлопнул дверью.

– Неужели они ничего не заметили? – удивился Одуванчик.

– Тот зоркий и манера его общения мне не понравились, – сказал Спектр и смахнул весь порошок со стола.

– Плевать на него. Проблема совсем в другом. Целая армия зорких ищет человека, который увлеченно смотрит сериал «Грань». Ищет определенного и хочет убить. Скольких они уже убили и замучили по ошибке? Сколько пыток перетерпели невинные люди? И ведь раньше я никогда не задумывался о создателях этого сериала и писателе.

– Зоркий сказал, что все мертвы, – перебил Одуванчик.

– Но возможно он соврал. Единственный, кто может знать правду, это те, кто хоть как-то причастны к созданию этой истории, – сказал я.

– Это очень рискованно. Этот зоркий скорее всего тебя подначивал, – сказал Спектр. Я понимал, велика вероятность, что он прав.

– Я думаю, это они подожгли дом Элис. Только она в городе занималась магией. С чего ты взял, что однажды они не прикончат нас? Просто потому что мы похожи на тех, кого они ищут, – сказал я.

– Возможно, Ди прав, – согласился Одуванчик.

– Я настаиваю на том, что это огромный риск, – запротестовал Спектр. – Я в этом участвовать не буду.

Спектр встал из-за стола и пошел к выходу. Я окликнул его:

– Завтра я не выйду на работу. Я пойду искать создателей сериала и книги, – сказал я.

– Надеюсь, они тебя не поймают, – сказал Спектр и ушел. Я остался с Одуванчиком, и мы стали обдумывать предстоящий план.

* * *

Есть только одно место, где я смогу узнать больше об авторе книги «Грань», и это МГПК, что расшифровывается как «Место, где печатают книги». Туда мы и собрались с Оду-

ванчиком.

Одуванчик был первым, кто подошел ко мне в детском доме. Они были очень общительными, а я постоянно сидел в стороне и наблюдал за всеми. Именно эти двое вытащили меня из состояния депрессии.

– Надеюсь, мы не заблудимся, – прервал мысли Одуванчик.

– У моих котов превосходных нюх, – сказал я. Мы сидели в повозке, коты сонно везли нас по ночному городу. На небе светило зеленое яблоко, отчего казалось, будто все погрузилось под воду.

Чем ближе мы приближались к МГПК, тем пустыннее становилась местность. Все чаще попадались одинокие обветшалые дома в форме полукруга, откуда выглядывали кримеры. Это тощие вытянутые существа с огромными глазами, удивленным лицом, и тонкими длинными пальцами. Они полностью черного цвета, голова у них довольно маленькая. Их присутствие здесь означало лишь то, что мы еще ближе к МГПК, ведь именно они там основные работники.

Дорога сужалась и становилась каменистой. Повозка то и дело тряслась, я уже начал бояться, что скоро отвалится колесо. Коты недовольно мяукали, им хотелось поскорее домой, мне приходилось их успокаивать. Одуванчик задумчиво молчал и смотрел на небо на зеленое яблоко.

– Твои кудри позеленели, – заметил я. Одуванчик покрутил у виска, и мы резко остановились.

– Эй, кошки, что за бунт? – возмутился я.

– Мы приехали, Ди, – сказал Одуванчик и вышел из по-
возки.

– Ты так медленно это протянул, что я практически уснул.

– Еще одно слово и пойдешь один.

Я оставил котам горящую лампу и привязал поводья к столбу. Вокруг стало гораздо больше полукруглых домов, почти все окна в них горели. Над головой летали громкие жуки. Возле каждого дома стоял факел на длинной ножке. Кримеры удивленно смотрели на нас, их глаза светились в темноте. Днем они спали, а ночью их жизнь кипела.

Я случайно взглянул на маму-кримера возле которой стояли двое детей. Они пугливо оглядывали меня, я улыбнулся, но мама загнала детей в дом. Самый маленький кример помахал мне рукой.

По земляной дороге мы подошли к большим воротам, за которыми скрывалось МГПК. Это походило на три больших муравейника, соединенных проводами из каждого отверстия, по которым кримеры ловко перекатывались из одного здания в другое. Сотни кримеров одновременно хватались за автоматический держатель и поднимались или опускались по нитям на разные уровни, притом не сталкиваясь друг с другом.

Мы подошли ближе к МГПК. Я заметил, что муравейник сделан из очень твердого и плотного материала, вроде кристаллического. Пока я разглядывал местные здоровые какту-

сы, к нам подошел кример с синей лентой (кримеры не носят одежду, но чтобы отличаться по должности, надевают ленту определенного цвета).

– Вам чем-нибудь помочь? – спросил кример дружелюбно.

– На самом деле мы хотели бы узнать об авторе книги «Грань», – сказал я. Одуванчик стоял справа от меня.

– Пройдемте за мной, – сказал кример. Мы последовали за ним и зашли в один из муравейников. Мы оказались в огромном освещенном помещении с блестящим полом и сверкающими стенами. Кример шел быстро, и мы едва за ним успевали. Это была одна из тысяч комнат, здесь кримеры работали над стихотворениями. Много тетрадей были подвешены к потолку на крепкой нити, и рабочие сочиняли стихи. Здесь было очень громко, как в цехе, кримеры громко сочиняли рифмы, которые переплетались между собой, путались и создавали настоящую бездну стихотворений.

– Нам сюда, – сказал кример.

Мы зашли в узкий лифт (был бы я чуть толще, уже бы не пролез) и встали на шаткую дощечку, которая взмыла вверх. Мы проехали этажей пять и снова последовали за кримером, комнаты сменялись одна за другой, рабочие, словно офисные планктоны, сидели за компьютерами и придумывали сюжет. Никто даже не обратил на нас внимание, они практически в такт поворачивали головой слева направо, перечитывая текст.

В следующей комнате была группа рецензентов, они активно обсуждали каждую книгу и решали, стоит ли ее тиражировать. Кример с оранжевой повязкой стоял возле доски и презентовал книгу, которую группа людей напротив оценивала и делала записи в листочках.

И таких комнат бесконечное множество, комната на проверку ошибок, комната на достаточное использование средств художественной изобразительности, комната художников для обложки. И везде было громко.

Когда мы зашли в кабинет кримера, за которым следовали, то почувствовали тишину. Он сел за большой стол, на нем я заметил фотографию его семьи. Помещение было полупустое, кримеры любили простор. Справа лишь был небольшой шкафчик, а слева четыре высоких стула.

– Прошу садиться, – сказал кример, мы забрались на стулья. – Как вам известно, все книги, которые вы когда-либо читали, создали мы. Кримеры созданы для этой работы и больше ни для какой другой. Каждый день мы выпускаем лучшие книги, прошедшие отбор, которые потом читаете вы. Именно поэтому самое больше количество библиотек у нас, ведь прежде чем что-то написать, кример должен прочитать много книг. Но с книгой «Грань» произошла отдельная история. И прежде чем приступить к разговору, скажите мне, зачем вам нужно это знать?

– Могу ли я доверять вам? – спросил я.

– На вашем месте я бы никому не доверял. В мире много

предателей. Но если хотите довериться, я обещаю сохранить наш разговор в секрете, – ответил кример.

Другого выхода у меня не было.

– Я слышал, что вы недовольны правлением зорких, – начал я.

– Разве можно быть довольным правлением тех, кто ограничивает книгопечатание лишь потому, что некоторые, в сущности, неповторимые книги не приглянулись вышестоящим зорким. Мы теряем прибыль и потраченные ресурсы на эту книгу.

– Тогда возможно вы слышали, что зоркие убивают тех, кто сильно увлечен книгой «Грань?» – спросил я.

– Оно и неудивительно, ведь эту книгу написал не кример. Ее написал человек, – сказал кример.

– Автор этой книги известен? – спросил Одуванчик.

– Имя автора стерто, – ответил кример.

– По моим данным автор мертв. Неизвестно, как он умер? – спросил я.

Кример почесал голову самым длинным пальцем.

– Зоркие говорят, что он умер, это не так. Он скрывается. Не знаю где, не знаю как. Но он точно жив, – сказал кример.

Эта информация удивила нас с Одуванчиком.

– Откуда такая уверенность? – спросил мой друг.

– Я сам помог ему сбежать, мы успели с ним подружиться. После того как зоркие увидели «Грань» они хотели найти ее автора. И теперь, все что я знаю, что зоркие ищут автора

книги и до сих пор его не нашли. Но зачем убивать тех, кто просто увлечен книгой... Право, сложная задачка.

Я был в шоке, он видел автора книги и так спокойно рассуждал об этом.

– Вы можете описать автора книги? – спросил Одуванчик.

– Он никогда никому не показывал своего лица. Всегда ходил в капюшоне, под которым была белая маска.

– Вы очень сильно помогли нам, мистер, – сказал я.

– Я не представился, меня зовут Саммонуэль, – сказал кример.

– Очень приятно, я Ди, а это Одуванчик. Спасибо огромное за эту информацию, – сказал я и слез со стула. – Многие ли приходили к вам с таким же вопросом, с каким пришел я?

– Вы первый, Ди, кому стало интересно, – ответил Саммонуэль.

– Один вопрос. Зачем вы рассказали нам про то, как помогли писателю сбежать? Ведь вы рассказали это незнакомцам, а если бы мы были посланниками зорких? – недоверчиво спросил Одуванчик.

Саммонуэль улыбнулся.

– Даже если вы посланники зорких, вы не успеете им ничего доложить, к тому моменту я буду уже мертв. Подошел мой час умирать, отправиться на небеса к моей жене и детям.

Саммонуэль взял фотографию, из его огромных глаз скатилась маленькая слезинка. Кримерам суждено знать свой час смерти, если она естественна. Они знают, когда умрут,

уже с рождения.

– Знаете, я так счастлив, что поговорил с кем-то напоследок. Мне так этого не хватало, ведь «Грань» моя любимая книга.

Он аккуратно поставил фотографию на стол, и в ту же секунду глаза его закрылись. Мы с Одуванчиком смотрели на то, как его щуплое тело леденеет. И в воздухе завяло холодом. Я посмотрел на Одуванчика, его лицо выражало спокойствие, и меня это удивляло. Я хотел что-то сказать, как вдруг двери в кабинет открылись. Сюда вошли четверо кримеров.

– Сожалею, что вам довелось присутствовать при смерти нашего почтенного Саммонуэля. Он ушел с миром, пусть мир будет и в вашем сердце, – сказал кример.

– Аминь, – сказал Одуванчик. Мы не стали задерживаться и пошли к выходу. Перед тем как закрыть дверь, я посмотрел последний раз на Саммонуэля, четыре кримера доставали его из кресла. Видимо, его мечтой была смерть за своим письменным столом.

По дороге назад я заметил, что все кримеры перестали работать и встали с рабочих мест. Воцарилось молчание, все провожали Саммонуэля.

Мы с Одуванчиком вышли из МГПК и отправились к повозке. Даже на улице кримеры бросили все свои дела и просто стояли на одном месте. Мы взобрались в повозку, я еле разбудил своих котов, и мы поехали домой.

– Что теперь думаешь делать, Ди? – спросил Одуванчик.

– Сказать, что я хочу найти писателя, легко, если армия зорких не может это сделать, то куда уж мне.

– Может не лезть дальше? Оставить это? – спросил он.

– Нет, я же говорил, однажды может случиться такое, что в тюрьму к зорким попадем мы. А если они хотят уничтожить целый город, кто знает, к чему это может привести, – ответил я.

Оставшееся время пролетело быстро, я подбросил Одуванчика до дома и поехал к себе. Коты, наконец, уснули в стойле, а я взглянул на яблоко на небе, частично спрятавшееся за облаками. В тот момент, когда я шел по тропинке, я заметил странный шум рядом со мной. Я постарался сделать вид, что ничего не заметил и спокойно зашел домой.

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Яблоко выглянуло из-за облаков, за стеной на улице кто-то прятался, я пригляделся к тени, это был зоркий. Он следил за мной.

* * *

Сегодня зоркий весь день следовал за мной. После работы я не пошел в кинотеатр, теперь я читал только книгу. Все что я мог делать, это вести обычный образ жизни, чтобы этот гад отстал от меня.

На следующий день после работы я решил пойти к перевернутому водопаду. Это единственный водопад, из которо-

го сыплются не камни, а вода находится в жидком состоянии. И льется вверх. Зоркий по-прежнему следил за мной. Я пытался вести себя как можно естественнее.

Я ехал в трамвае и постарался ни о чем не думать. Мимо мелькали торговцы, радостные дети, дирижабль, летящий в небе. Девушка справа от меня жадно поедала лилию, отчего запахло на весь трамвай. Хорошо, что я поел дома. Кондуктор (их называют еще жевачками, их руки и ноги растягиваются на большие расстояния, идеально для такой работы) отоваривала заходящих людей билетами. Это была женщина лет пятидесяти, с уставшим лицом и маленькими усиками.

Суша закончилась, и мы въехали на водную территорию. Трамвай защищен от проникновения воды, остановки тут, конечно же, невозможны. Водная территория выглядит как огромный прямоугольный аквариум, только воду здесь ничто не сдерживает. Здесь, кстати, вода тоже в жидком состоянии. Она здесь словно стена, сделал шаг, и ты уже в водном прямоугольнике, шаг назад, и сразу на суше.

Высота этого водного прямоугольника где-то метров сто. Это очень красивое место, тут морские жители живут в кораллах, а все жилища ярких цветов, преимущественно оранжевого. Частенько тут можно увидеть русалок, девушки любят подплывать к трамваю и махать проезжающим пассажирам. Я обычно отвечаю в ответ и улыбаюсь. На этот раз мне подмигнула красотка с рыжими волосами. Я не удержался и послал воздушный поцелуй. Следом мы проехали сцену, где

у подводных жителей был концерт. Зрители смеялись, видимо, у них было юмористическое шоу.

Следующее место было не таким радужным, мы проезжали мертвый город. Когда-то давно в нем кипела цивилизация, это был один из самых прогрессивных и механизированных городов. Компьютеры тут были везде, игровая индустрия процветала, роботы придумывали интересные проекты, делали манипуляции с очками виртуальной реальности. Все это кануло в прошлое, когда началась война с зоркими. Город был стерт, никто не стал заниматься его восстановлением. Теперь это обыкновенное компьютерное кладбище. В лицах маленьких роботов проросла трава, потерянные и забытые, некогда жившие и канувшие в небытие.

За окном мелькали покосившиеся высотки, некоторые срослись с землей. Неожиданно среди груды металлолома мелькнуло лицо красного монаха. Это показалось мне довольно странным, обычно они не любят бывать в таких безжизненных местах. На секунду мне показалось, что монах смотрел прямо на меня, но скорее всего это был обман зрения (красные монахи ходят исключительно в красном одеянии, в маске животного и рогами, как у оленя, на их посохе играют колокольчики, и с ними всегда присутствует прирученное существо высотой с двадцатипятиэтажный дом, довольно странно, что этот монах был один).

В следующую секунду мое внимание привлек пятиэтажный поезд. Он проехал вдалеке на огромной скорости и по-

чти сразу исчез. Всегда хотел в таком прокатиться, но как-то не доводилось.

– Остановка «Водопад».

Я прошел мимо кондуктора-жевачки и вышел из трамвая. Зоркий последовал за мной. Вокруг расстиралась холмистая местность. Я тут же натолкнулся на маленькие летающие пузыри, наподобие мыльных. Видимо, тут был дождь, эти пузыри довольно живучие, могут пролетать около десяти часов. Получаются они после взрыва радуги, находиться в такие моменты рядом с ней неопасно, эти пузыри очень мягкие.

На остановке было около пяти человек, парочка слонов и даже краб. По всей территории бродили различные существа. Некоторые сильно выделялись своим ростом среди толпы, некоторые необычной формой. Да, к примеру, те же пэки (ходячие квадраты преимущественно коричневого цвета) или вулли (у них ноги высотой с пятиэтажный дом, малюсенькое тельце и такая же маленькая голова). Как обычно не обошлось здесь без королей, кажется, они уже всюду. Слишком много их развелось.

Что мне нравилось здесь, никто не пытался оборудовать это место, жители только приезжали и любовались красотой природы. А она здесь, в самом деле, необыкновенная, деревья разной формы и цветов, у некоторых даже древесина оранжевая или голубая. Ветви часто сплетаются в причудливые формы, в них можно увидеть различные образы. Пря-

мо как в абстрактном искусстве. Небо иногда меняет свой цвет и становится полностью розовым, а пахнет тут свежескошенной травой. Хотя ее тут никогда не косили, но почему-то остается именно этот запах.

Я снял обувь и пошел босиком. Чувствовались маленькие камушки после дождя, которые еще не успели испариться. Я взбирался по холму, проходя мимо поющих красных ягод, мимо сплетенных между собой лиан, мимо пролетающих огромных бабочек.

Оказавшись на вершине, я остановился напротив озера. Передо мной показался великий водопад, течение которого било вверх и на вершине горы впадало в озеро. А с другой стороны стекала вниз, таким образом, вода циркулировала, и образовывалось два водопада. Многие прыгали в этот водопад, чтобы насладиться моментом круговорота. Вода здесь обладала смягчающими свойствами, от удара нельзя было разбиться. Я смотрел на то, как люди и другие существа прыгали один за другим.

– Можно пригласить вас на прыжок?

Я обернулся и увидел девушку-звезду. Она выглядела как сверкающий кристалл, выполненный в форме человеческого тела.

– С вами хоть на край света, – улыбнулся я, и мы взялись за руки. Возле этого водопада такое предложение далеко не редкость, что-то вроде приглашения на танец.

Ее рука была очень твердой, но гладкой. Мы подошли

чуть ближе и синхронно прыгнули. В этот момент я забыл про зоркого, про надоевшую работу. Я смотрел вверх, меня несло к розовому небу, на котором виднелось еще незашедшее солнце. И на секунду я почувствовал свободу, я поймал момент счастья. Нас понесло по течению в озере, но мы все равно крепко держались за руки.

– Ты готова упасть? – крикнул я. Она улыбнулась, и что-то в ее улыбке показалось мне знакомым. Нас понесло вниз, я видел, как ее серебристые волосы в блестках развевал ветер. Мы плюхнулись в воду с криками от восторга. Когда мы оказались на суше, я хотел узнать ее имя, но она прошептала мне:

– Мне пора возвращаться.

У нее тотчас выросли крылья, и она взмыла к звездам, которые ее ждали. Я пробыл здесь еще немного и решил вернуться домой до темноты. Иначе завтра снова буду умирать на работе, из-за того, что поспал всего пару часов. Почти всю дорогу я дремал, поездка в трамвае здорово усыпляла. Приехав в город, я снова оказался среди шума, грязи, беспорядочности и непрекращающейся суеты. Бик играл на своем любимом инструменте. У пауков вновь была тусовка, они хоть когда-нибудь бывают в тишине?

Я подошел к двери и заметил там посылку с подписью «От твоего преданного друга Одуванчика. Не мог удержаться». Я скорее открыл посылку и увидел долгожданное продолжение книги «Грань». Как можно скорее я хотел поблагодарить

Одуванчика, но неожиданно в дверь постучались.

– Кто это? – спросил я.

– Ди, это я Шел.

Я открыл дверь, передо мной стояла знакомая муха, она без разрешения забежала ко мне в дом и хлопнула дверью.

– Что случилось? – спросил я.

– Зоркие. Я видела, как они взорвали синий дом Элис, а теперь я видела, как они арестовали твоего друга Одуванчика. Они меня не пощадят, ведь они меня видели. Зоркие убьют меня. Ди, прошу, помоги мне!

– За что схватили Одуванчика?

– Разве ты не знаешь? Он купил продолжение этой книжки, которую ты читаешь. Все из-за нее!

Я выронил книгу из рук и выглянул в окно. Тень зоркого по-прежнему преследовала меня.

* * *

Я думал, как можно незаметно выйти из дома, и пытался подавить панику.

– Нам нужно выбраться отсюда, найти Спектра, но не с этим хвостом, – я указал на тень зоркого.

– Послушай, мы ведь можем пойти в то место, где он нас точно сможет потерять. В паутинном доме есть подземный туннель.

– Да ладно. Зачем? – удивился я.

– Не все, чем мы занимаемся, можно делать снаружи. Есть вещи, которые должны сохраняться в секрете.

– Ты проведешь меня через этот туннель?

– Только тебе придется проехаться в котле, – сказала она.

– Это еще зачем?

– Потом поймешь.

– Вот только один вопрос, как это будет выглядеть? В смысле, зачем я попрусь в паутинный дом на глазах у зоркого? – спросил я.

– Сделай вид, что ты сошел с ума и пошел жаловаться на шум.

– Надеюсь, он поверит, эти гады очень недоверчивые, – вздохнул я. Шел вышла первая и отправилась к паутинному дому, я выждал минут двадцать, захватил с собой продолжение книги и разъяренный выбежал из дома. Зоркий тут же среагировал и последовал за мной.

– Я сожгу этот проклятый дом и всех пауков! Невозможно выспаться! Уроды!

Я шел целеустремленно с зажигалкой в руке. Зоркий следовал бесшумно и незаметно, но я чувствовал его нутром. Я остановился напротив входа в паутинный дом, меня встретили охранники.

– Тебе чего? – низким голосом спросил большой паук. Грубее голоса в жизни еще не слышал. Наверное, это выглядело как приступ эпилепсии, но я начал размахивать руками, делая вид, что ругаюсь, и в то же время говорил совершенно

спокойным голосом:

– Я уборщик, меня наняли убрать тут мусор.

Паук нагнулся ко мне и подозрительно посмотрел:

– А руками чего трясешь?

– Слышали о такой болезни, называется Гипперостоникеноворония? – спросил я. Надеюсь, со стороны это выглядело, что я ругаюсь с пауком.

– Впервые слышу, – ответил паук.

– Так вот эта очень редкая болезнь. От нее руки трясутся в разные стороны, знаете, дергаются туда-сюда.

– И как же ты будешь убираться, если у тебя руки трясутся как у идиота?

Навстречу мне вышла Шел, я тут же перестал шевелить руками.

– Так вот, перестали, видите, о чудо! Излечился. Такое бывает, знаете, вроде был болен, а потом раз и как огурчик, – сказал я, черный паук продолжал смотреть на меня как на идиота.

– Этот со мной, – сказала Шел.

– Помни о правиле, – предупредил ее паук, и мы зашли внутрь.

– Что за чушь ты нес? – спросила Шел.

– Не важно, теперь нужно двигаться быстрее, зоркий скоро все поймет.

– Лезь в котел, – сказала Шел. Я забрался в огромный котел, и Шел закрыла его крышкой. Внутри виднелось малень-

кое отверстие, через которое было видно, что происходит. Целый огромный дом из прочной стальной паутины. Паутинная мебель, бар, сцена, вообще все. Некоторая паутина была перекрашена в другие цвета, чтобы все не выглядело приторно белым. На огромных диванах сидели большие черные пауки и рядом с ними мухи. Все они смотрели на Шел, которая везла котел. Надеюсь, в конце этого пути эти твари не сожрут меня. Шел двигалась по длинному коридору, справа звучала раздражающая музыка, слева пауки играли покер, даже карты были из паутины.

Тут все пропахло табаком, при всем желании спалить это место, у меня бы ничего не вышло. Эта паутина не поддается огню.

Мы заехали в какое-то помещение, Шел резко завезла котел по ступеньке, из-за чего меня подбросило, и я ударился головой.

– Можно было поаккуратнее, – проворчал я.

– Зоркий уже общается с охраной, у нас мало времени. Это твои вещи, переодевайся и подожди меня.

– Можешь переодеваться при мне, чего уж я там не видел у мух? Или вы стесняетесь переодеваться при людях?

Шел отошла к стене, мы были в узком помещении, похожем на примерочную. Внезапно на ее теле начало вырастать липкое вещество.

– Что это? – спросил я, но она не успела ответить, так как уже полностью погрузилась в свой кокон. От неожиданности

я даже забыл про одежду, но потом резко про нее вспомнил, когда услышал голос зоркого. Он бродил уже поблизости в поиске меня. Теперь нам не отделаться.

Я переоделся в черные брюки с металлическими вставками и надел майку со странной надписью. Видимо, она была написана на паучьем языке или черт его знает на каком еще. Внезапно кокон зашевелился, и сначала оттуда резко вылезла рука. Я уже думал, что оказался в фильме ужасов и чуть не закричал, но потом вспомнил про зоркого. Из-за этого идиота мне пришлось сдерживать свой крик, хотя это было очень страшно. Следом рука открыла кокон, словно это были двери, и оттуда вышла голая девушка с крыльями мухи.

– Подай мне мое платье, – сказала она. Я перепутал платье со своей футболкой, но потом тут же отбросил ее и протянул платье. Она быстро оделась, передо мной стояла худенькая леди с каштановыми волосами. Ее лицо выглядело более чем привлекательно, а ноги казались соблазнительными. Внимание отвлекали только крылья.

– Ты точно Шел? – спросил я.

– Ди, зоркий сейчас зайдет сюда, нужно бежать. Быстрее бери вещи и пошли отсюда.

Шел нагнулась и открыла люк ключом.

– Лезь первым и побыстрее.

– Откройте мне это помещение, – говорил зоркий. Его шаги было все ближе, а голос громче. Я полез в подвал, Шел последовала за мной. Я слышал, как зоркий начал открывать

дверь в примерочную. В эту секунду Шел закрыла подвал. Мы спустились с лестницы, и я запихнул вещи в сумку. Вокруг было очень темно, я почти ничего не видел.

– А теперь сделай вид, что ты один из них, – сказала Шел и взяла меня за руку. Она вывела меня из темного помещения в зал, где мерцающие разноцветные фонари ослепляли. Меня тут же встретила безумная толпа, танцующая странные танцы. Скорее было похоже на то, что все они были под чем-то. Я взглянул налево, на все таких же просторных диванах сидели, но теперь люди. Точнее полулюди. Я обратил внимание на парня, который ухмылялся, глядя на меня, и вдруг из его бедер медленно вылезли восемь паучьих ног. А потом он засунул их обратно. Все девушки тут были с крыльями мух, не было никого, кто бы полностью выглядел как паук или муха.

Мы вышли из танцующего безумного помещения и прошли мимо курительного зала, где парочка пауков пожирала огромные яйца. Я отвернулся, мой взгляд упал на паука, который облизывался, болтая с двумя мухами. Пауки любили выпячивать свои лапы, а потом снова прятать в тело. Одна из мух очень громко смеялась. Ее смех почему-то застрял в моей голове.

Шел меня не отпускала, мы шли без остановки мимо мест привата, их тут было довольно много: новых барных помещений, танцующих безумцев и странной гипнотизирующей музыки. Возможно, целевую аудиторию она расслабляла, но

меня скорее угнетала. И все это смешивалось с яркими огнями. И так из помещения в помещение, запах табака, громкий смех, пошлые шутки, грязные намерения, заигрывающие взгляды мух и комплименты. Нездоровый интерес со стороны некоторых пауков. И самое отвратительное пожирание яиц, а иногда личинок. Здесь, я думал, меня стошнит.

Неожиданно одна из мух схватила меня за руку и остановила нас.

– Покажи мне свои ножки, красавчик, – сказала муха.

– Ди, не останавливайся, – сказала Шел и дернула меня вперед. Муха что-то крикнула вслед, я не разобрал.

Мы еще долго бродили мимо этих огней, пока, наконец, не вышли в полутемный коридор. Здесь мухи сидели возле стены, уставшие и отчужденные. Почти все курили и не смотрели на нас. Внезапно, Шел свернула направо и завела меня в комнату. Она включила свет, и я смог разглядеть обстановку – односпальная кровать стояла возле стены, справа располагался комод с зеркалом с кучей косметики, несколько помад валялись на полу. На тресе висело много одежды, яркой, блестящей, в основном платья. На глаза попался маникюрный набор, стопка журналов и игрушек, предназначенных для особого пользования.

Шел села на кровать. Я так и стоял возле двери.

– Ты, наверное, хочешь знать, что происходит, – сказала она.

– А ты догадливая.

– В двух словах это не уместить, но постараюсь рассказать вкратце. Ты, как и многие другие жители этого города, а точнее все, кроме мух и пауков, знают лишь об одной форме нашей внешности. Никто не в курсе, даже зоркие про этот подпольный клуб. Все держится в секрете, поэтому если кто-то узнает о том, что ты человек, нас тут же сожрут и костей не оставят.

– Зачем нужна эта маскировка? – спросил я.

– Пауки в очень тесных отношениях с зоркими, поэтому им особенно известна ненависть зорких к людям, таким как ты, например. Обыкновенным людям. Это уже не просто ненависть, а своего рода помешательство, идеология, называй это как хочешь. Но зоркие ненавидят людей. И чтобы не нарушать союза с зоркими, пауки решили не раскрывать свою любовь к получеловеческому образу. Так появился первый подпольный клуб. Ты спросишь, а как же до войны с зоркими? Почему даже тогда пауки не показывали этого. Дело в том, что пауки держат союз с зоркими не пять лет и не десять, а сотни. Говорят, что пауки были причастны к войне и даже помогли зорким победить.

– Тогда почему бы просто не договориться с зоркими, мол ненавидьте людей дальше, а мы будем тут развлекаться? – спросил я.

– Пауки боялись нарушить этим мир, они боялись, что зоркие сочтут их предателями. Зоркие – власть, пауки им всегда подчинялись, пойти против них они не могут. Про-

тив их безумной идеологии уничтожения всех людей. А так как мы, мухи, пища для пауков, нам приходится выживать в таких условиях. Сотни лет назад пауки постоянно жрали мух семьями, уничтожали племенами, пока однажды один из трусливых мужчин не предложил продать свою жену в рабство в обмен на свою жизнь. Паук согласился, и так появилась первая проститутка. Пауки все чаще стали использовать эту практику, появились паутинные дома с подвалами. Но даже здесь есть свое деление.

– Что за деление? – спросил я, нахмурившись.

– То, куда ты зашел вначале, это декорации. Место пребывания для низших пауков и мух, своего рода прикрытие. Они ждут своей очереди, чтобы попасть в элиту. Элита находится здесь, внизу. Пауки сюда попадают только по служебной лестнице, за большие деньги или по наследству. Мухи могут попасть в элиту только одним способом, продажей собственных детей. Когда они находятся в состоянии яиц или личинок, ты продаешь их паукам, и таким образом еще и питаешь их. Это позволяет нашим племенам жить без набегов пауков.

– Сколько яиц нужно продать, чтобы попасть в элиту? – спросил я.

– Тысячу. Или пятьсот личинок. Но с личинками сложнее, если у яйца нет органов, то личинка, это твой ребенок, с глазками, живой. И отдавать его на мучения, зная, что его сожрут, крайне жестоко. Я продала тысячу своих яиц и еще пятьсот, чтобы получить тут комнату.

Я пытался переварить то, что сейчас услышал. Это не укладывалось в голове.

– И кто вас ну как бы так оплодотворяет? Неужели пауки?

– Дети от пауков невозможны, еще ни разу не было оплодотворения. Есть специальные мухи-самцы, которые сами подрабатывают проституцией и занимаются оплодотворением. Им попасть в элиту гораздо проще, их не такое большое количество. Поэтому многие мухи женского пола, которые хотят скорее пробраться в элиту, выбирают продажу личинок, так как на оплодотворение нужно еще отстоять очередь.

– А нельзя сходить в племя и там кхм... оплодотвориться? – спросил я.

– Пауки не отпускают нас направо и налево, иначе бы кто-то уже давно проболтался зорким обо всем. То, что я забежала к тебе в дом, своего рода кредит доверия, но его сложно добиться. Нужно понравиться одному из влиятельных пауков, даже запасть ему в душу, стать фавориткой. Только тогда можно выходить на небольшие расстояния.

– Если с выходом отсюда все так сложно, то как мы выберемся?

– Есть у меня одна идея, расскажу по ходу.

Шел склонила голову над кроватью, я подошел к комоду и увидел фотографию маленькой девочки и девушки, обе были с крыльями.

– Это я с мамой, – прошептала она.

Шел улыбалась на фотографии, они стояли в комнате на

фоне светлых штор. Я обратил внимание, что в этой комнате были точно такие же занавески.

– Перед тем, как умереть, мама рассказала историю моего рождения. Ей оставалась последняя кладка яиц, и ее пропустили бы в элиту. Ровно тысяча, она точно укладывалась. Но из-за некоторых трудностей, выдача яиц отложилась, и однажды ночью вылупилась я. Слишком рано, нарушив все сроки. Тогда у мамы не хватало одного яйца до тысячи, или же она могла отдать меня, тогда ничего бы не изменилось. Но в тот момент, когда она уже понесла меня паукам, она не смогла отдать меня. Я смотрела на нее большими глазами, наивными, детскими. Она оставила меня, выждала очередь и в следующий раз мы уже были в элите. Я видела, как она отдавала на смерть моих потенциальных братьев и сестер, но все равно поддерживала ее. Успокаивала. Когда мама умерла, мне было шестнадцать. Она сказала мне перед смертью, что ни одного дня не пожалела, что оставила меня. Ведь только благодаря мне, она видела смысл в такой жизни. После ее смерти, ее комнату выставили на продажу, а меня переместили на верхний этаж, где мне следовало уже самой пройти путь до элиты. Когда я снова зашла в эту комнату, я рыдала около часа, потому что увидела здесь нашу фотографию.

Я сел рядом с Шел и обнял ее. Она смущенно улыбнулась.

– Не стоит меня жалеть, слишком уж многое я пережила.

– Прости меня, – сказал я.

– За что?

– Я все это время думал, что ты находишься здесь по собственной воле. Прости, что думал так.

Она посмотрела на меня большими выразительными глазами, в которых скрывались слезы. Над губой у нее была маленькая родинка. На ее худенькой руке я заметил шрам. У нее были острые скулы и тоненький нос.

– Не всегда мы можем увидеть всю истинность вещей. Очень часто, то, что лежит на поверхности, труднее всего разглядеть.

Мы посидели на кровати еще около десяти минут. За дверью слышались громкие разговоры, споры, громохание. А мы сидели здесь, и я не спрашивал, почему мы не уходим. Я знал, что Шел нужно время, чтобы попрощаться с этой комнатой. С зеркалом, в которое смотрелась ее мама, с запахом сладких духов, с вещами, к которым она прикасалась, со светлыми шторами. С местом, где она провела свое детство.

– Ди, нам нужно идти, – сказала она, поднявшись с кровати. Шел снова запечатала себя в кокон и стала полноценной мухой. Она положила в рюкзак некоторые вещи, после мы вышли из комнаты и заперли ее.

Мы проходили мимо рожавших мух, которые складывали свои яйца в корзину. Некоторые из них плакали, когда смотрели на кладку. Другие выглядели отрешенно. В этом коридоре пахло кислятиной, стены были обветшалыми, пол прогнившим. Лампы кое-где горели, лишь слегка освещая окру-

жавшую обстановку. В пучине темноты я заметил дрожащую девочку, сидевшую возле стены. Она плакала и звала маму, но никто не подходил к ней. Я остановился возле нее.

– Ди, нам нужно идти, о ней позаботятся, – сказала Шел.

– Эй, смотри! – сказал я, девочка обратила на меня внимание и перестала плакать. Я протянул ей ручку желаний и перед этим нажал на нее. Оттуда выскочило послание, которое она прочитала:

– Подожди еще немного, и в твоей жизни появится сказка.

Она с восхищением смотрела на ручку и добавила:

– Спасибо, мистер.

Я погладил ее по голове, после чего к ней подошла муха.

Она взяла ее за руку и повела куда-то.

– Куда ее повели? – спросил я у Шел.

– Детей, рано лишившихся матерей, отправляют в око.

Это место, где их выращивают, а потом отправляют на верхний этаж, чтобы в будущем они продавали свои кладки. В этом мире везет только мальчикам, за них назначают высокую цену.

Я видел, как силуэт девочки отдалялся от меня. Перед тем, как совсем исчезнуть, она обернулась и улыбнулась мне.

– Ди, времени мало. Паук, который дал мне привилегии, может потребовать меня.

Мы пошли дальше, этот коридор казался бесконечным. Мы постоянно поворачивали то направо, то налево. Даже не представляю, как можно разбираться в этом лабиринте. По

дороге Шел рассказала, что здесь очень много выходов, мы шли к тому, где дом Спектра был ближе всего.

На выходе стояло двое охранников, жирные и черные пауки.

– И как мне пройти мимо них? – спросил я.

– Видишь того, что справа? Он сейчас пойдет воровать личинки у подъезжающего котла.

Мы стояли в темноте и слушали, как пауки болтали о мухах и о том, как мечтают попасть в элиту. Издалека слышался скрежет, и паук справа ушел. Мы действовали по плану, Шел подошла к оставшемуся пауку и заговорила с ним:

– Как настроение?

– Шел, какие мухи! Снова решила выйти прогуляться?

– Да, хотела дать тебе понюхать свои духи. Если тебе понравятся, буду брызгаться ими каждый день.

Паук развеселился и приготовился кокетничать. Шел достала флакон и приснула пауку в лицо. Его ноги тут же стали подкашиваться, и он упал на землю. Все его восемь лап судорожно дергались. Я задержал дыхание и выбежал на поверхность, Шел прикрылась носовым платком. Она аккуратно засунула флакон обратно, и мы сразу же побежали в сторону от места происшествия.

– Скоро тот паук вернется, где живет твой друг? – спросила она.

– На девяносто четвертом повороте девятого квартала. Что это за дрянь ты приснула?

– Эта гадость не только усыпляет, но и стирает память. Она досталась мне от мамы, а как к ней попала в руки, она не рассказывала.

На горизонте показался второй охранник. Мы побежали прочь. На улице светало, солнечные лучи пробивались через горизонт. Наконец, мы добрались до жилища Спектра. Это был небольшой деревянный домик с одним окном и дверью. На его плоской крыше стояла палка с колокольчиками, которые звенели от легкого ветерка. Я постучался в дверь, но никто не открывал. Тогда я заглянул в окно.

– Я не вижу его, – сказал я.

– Сюда кто-то идет, – прошептала Шел.

Я обернулся и увидел фигуру Спектра. Он шел с газетой в руках, его лицо было бледным, а ноги еле передвигались по земле. Я подбежал к нему.

– Спектр, я думал, они и тебя забрали! Зоркие захватили Одуванчика! Нам нужно его вытащить оттуда.

Спектр медленно протянул мне газету «Скорость». Я молча взял ее, на заголовке было фото Одуванчика с надписью «Предатель казнен и отправлен в долину смерти!». Я не верил своим глазам, мои руки затряслись от нахлынувшего ужаса.

– Я их всех убью. Каждого зоркого уничтожу, – разозлился я.

Я смял газету. Солнце полностью вышло из-за горизонта. Зачирикали зеленые воробьи. Громко зазвенели колоколь-

чики на крыше. Начался новый день. День, который все перевернет.

* * *

Долина смерти, место, где ты вечно будешь в образе уродливой твари скитаться по пустынной земле. Ты не умрешь, никогда. Все, что тебе остается, это вечные страдания среди таких же страждущих, как ты.

Прежде чем пойти в долину смерти, нам следовало подготовиться. Шел сказала, что знает одного торговца оружием. По пути к нему, мы решили взглянуть, что происходит с моим домом сейчас. Зоркие еще не успели его оккупировать, но это лишь вопрос времени. Пока Шел набирала еду в рюкзак, я выпускал своих котов. Трех я брал с собой, а Шерику и Маруське просто открыл ворота.

– Ди, только не задерживайся, – сказал Спектр. Я прощался с двумя зверюгами, они понимали, что происходит и постоянно ласкались и облизывали меня.

– Я постараюсь вернуться, чтобы купить вам целую кучу засушенных мышей. А сейчас идите к Бику. Он все поймет и приютит вас.

Мне тяжело было расставаться с Маруськой и Шериком, я не знал, вернусь ли вообще, выживу ли. Они мяукали и прощались с остальными тремя котами, которых мы брали с собой. Под ошейник Маруське я положил записку Бику и

поторопил их. Они взмахнули своими большими хвостами и мяукнули мне еще раз, после чего я с болью в душе закрыл стойло.

Шел вышла из дома с едой в образе обычной девушки. Крылья она спрятала под накидку, которую одолжила у Спектра, у него их был огромный выбор. Он знатно удивился, что Шел может превращаться в человека, поэтому пришлось ему объяснить все.

После мы взобрались на котов и отправились к торговцу оружием. Пришлось ехать окольными путями, чтобы не наткнуться на пункты зорких. Всю дорогу я думал о своем доме, что скоро там будут зоркие. Возможно, они сожгут его, как поступили с домом Элис, но перед этим все там разворотят. Не сказать, что я обожал свой дом, но все же, там я провел значительную часть своей жизни. Там много чего осталось, например, мои роботы, которые я любил собирать. Один даже умел говорить несколько стандартных фраз. И еще много всякого барахла, полезных и бесполезных вещей. Но все это часть меня, моя жизнь, и когда понимаешь, что ты оставляешь ее где-то позади, что, скорее всего, больше никогда не увидишь, ощущение, будто вырвали кусок души и оставили гнить в луже.

– Почему Одуванчика объявили предателем? Ведь многие читают эту книгу «Грань», и многие в тот день купили продолжение, но предателем объявили только его, – нарушила тишину Шел.

Между мной и Спектром по-прежнему висел туман недавней ссоры. Шел сразу поняла, что мы поругались, женщины часто чувствуют такие вещи.

– Значит проблема в чем-то другом. Вряд ли дело только в книге, – сказал Спектр и добавил. – Прости меня, Ди.

– За что? – удивился я.

– Ты говорил, что зоркие скоро начнут убивать всех и очередь дойдет до нас. Я не верил, что такое возможно, считал, что лучше остаться и жить обычной жизнью. Думал, что ты бредишь, но я ошибался. И если бы я был внимательнее и больше общался с Одуванчиком в эти дни, то ничего бы не произошло.

– Спектр, даже самые умные ошибаются.

– Что уж говорить про меня, не обладающего не одним из этих качеств, – сказал Спектр.

– Самоиронии тебе не занимать, – поддержал я.

– Мы приехали, – сказала Шел.

Мы слезли с котов и оглянулись. Это был тринадцатый переезд, он славился узкими переулками, близко расположенными домами. На стенах тут везде было граффити, только здесь обитали такие существа как гримы, это маленькие носатые гномы с кожей как у слона. Один из таких как раз открыл заведение, в которое мы зашли.

– Прийти за оружием в такую рань, от кого бежите? – спросил грим. На нем была потертая куртка, и он сильно хро-мал. Я оглядел его лавку оружия. Р3000, К-Р750, П-М281 и

много чего еще.

– Скорее нужно наказать одних ребят, – сказала Шел.

– Можете не рассказывать, но я точно могу сказать, вы от кого-то прячетесь, – сказал грим.

– Как тебя звать? – спросил я, наклонившись на его прилавок. Грим стоял на специальной площадке, чтобы не быть ниже прилавка.

– Зови меня большой Бобби, – ответил он.

– Так вот Бобби...

– Большой Бобби, – поправил он.

– Плевать, Бобби, кхм, большой Бо, я буду перечислять оружие, а ты уж будь добр не задерживай нас и выноси побыстрее. А еще я знаю, что у тебя есть маскарадные костюмы бонусом.

Маскарадными костюмами называли одежду, которую использовали контрабандисты, чтобы смешаться с населением.

– Хах, а ты мне нравишься, как тебя звать? – спросил Бобби.

– Горячий Дейв, – ответил я, Шел отвернулась, чтобы не выдать себя смехом.

– Дейв...

– Горячий Дейв, – перебил я Бобби.

– Все равно. Диктуй оружие.

– Начнем с серии двести восемьдесят два прошлого года от Ника М. огнеметы...

Пока я перечислял, Бобби нес оружие. Когда я закончил,

Бобби озвучил цену.

– Сто тысяч ун. И кота в придачу.

Я положил деньги на стол и добавил:

– Коты не продаются, уж ты должен понимать, Бобби, как я ценю своих любимцев.

– Большой Бобби, – снова поправил он.

– Я понял.

Он почесал затылок.

– Так и быть, как первому покупателю сделаю снисхождение, Дейв.

– Not Дейв, – добавил я и цокнул ртом.

– Слышь, хватит ерундой заниматься, – сказал Спектр и дернул меня за плечо. Мы зашли в подсобку, чтобы переодеться. Я выбрал костюмы паримэри, это группа путешественников с идеологией не жить на месте, а постоянно перемещаться в поисках духовного просвещения. Они обычно носили серые плащи с капюшоном, под низом тоже была серая одежда.

Послышался грохот дверью. Кто-то еще зашел в лавку.

– Черт, это зоркий, – сказала Шел.

– Не паникуем, мы паримэри, приехали за просвещением, – успокаивал Спектр. Мы ждали, пока Зоркий выйдет из лавки, он внимательно осматривал оружие.

– Сколько он еще будет тут торчать? – спросила Шел.

– Он идет сюда, – сказал я. Зоркий о чем-то болтал с Бобби и двинулся в нашу сторону. Скорее всего, он бегло тут все

оглядит, зачем ему внимательно проверять тут все.

– Смотри, тут запасной выход, – сказал Спектр.

– Пошли отсюда, – сказала Шел.

Мы вышли через запасной выход и поспешили к котам.

– Быстрее запрыгивайте, капюшон накиньте, – скомандовал я.

Я сел верхом на кота, как вдруг из лавки вышел зоркий. Он подозрительно оглядел нас и спросил:

– Что тут делают люди, ищущие духовное просвещение. В тринадцатом переулке его вы тут не найдете.

– На самом деле мы случайно забрели сюда, – ответила Шел.

– Душа, умершая однажды... – сказал зоркий и резко замолчал.

– Имеет шанс воскреснуть, пока жива, – продолжил Спектр. Зоркий ничего не ответил и пошел к своему ворону. Мы развернулись и поехали в противоположную сторону.

– Что это значило? – спросил я.

– Самая известная фраза паримэри, неужели ни разу не слышал? Он нас проверял, любой паримэри знает эту фразу, прокололись бы, он бы все понял, – ответил Спектр.

– А что значат эти слова? – спросила Шел.

– Это значит, что человек погрязший на земле в грехах, может очиститься лишь тогда, пока жив. Потом этого шанса у него не будет.

Мы выехали на восемнадцатый переулок и увидели по-

всюду зорких.

– Какого черта их так много? – спросил я.

– Ди, приглядишься к плакату.

Я посмотрел на стену, везде было развешано мое лицо с подписью «Внимание! Предатель! За достоверную информацию о местонахождении награда тысяча ун. За поимку живым или мертвым награда пятнадцать тысяч ун».

Мы медленно проехали мимо оживленных зорких, я сильнее натянул капюшон и смотрел вниз. В кармане мне попала книжка паримэри, я сделал вид, что увлеченно читаю ее.

По дороге из города нас никто не останавливал и вообще мало обращал внимание. Зоркие были повсюду, расклеивали объявление, расспрашивали прохожих, их псы что-то вынюхивали. Только сейчас я подумал, что какой же я идиот, что не сжег свой дом. Ведь псы могут вычислить меня по запаху. Но благо хоть, что одежда была такой старой и зловонной, что перебивала любой запах. Поэтому многие старались обойти нас стороной, но я уже принялся.

На окраине города местность становилась пустыньнее. Мы двигались к долине смерти в поисках Одуванчика. Началась буря, песок стал попадать в глаза и нос, поэтому пришлось надеть маски. Все это время я думал о том, что ждет нас дальше.

Буря усилилась, и мы решили переждать ее в попавшейся по дороге пещере. Коты жадно поедали засушенных мышей, а мы с Шел и Спектром наслаждались колокольчиками и запивали водой в форме камня. Так как я и Шел всю ночь не спали, мы решили восполнить это. Спектр остался следить за обстановкой, пока мы лежали на мягких котах.

Буря стихла только спустя пять часов, тогда Спектр нас и разбудил. Мы быстро собрались и поехали дальше. В пути я увлекся книгой паримэри. В ней было много философских мыслей, никогда прежде меня не увлекала подобная литература, это было странным для меня.

– И что пишут в этой книге? – спросила Шел, это было неожиданно, поэтому я немного напугался.

– Здесь пишут, что каждый из нас сеятель. И оттого, какие семена мы посадим, зависит, вырастит ли сорняк или хорошее растение. А оттого, как мы будем за ним ухаживать, зависит, будет ли оно жить или погибнет. «Плод наш, результат дел наших», – прочитал я.

– Как бы не стать тебе паримэри после этой книги, – улыбнулась Шел. Я засунул книгу в карман.

– Нет, такая жизнь не по мне.

– Вот и началась мертвая земля, – сказал Спектр. Мы посмотрели вперед и увидели мост, который вел к выжженной

земле. Коты замяукали, я попытался их успокоить.

– Это только начало, до самой долины еще далеко, – сказал я, и прежде чем пойти дальше, мы одели котам на лапки защитную обувь. Земля здесь отвратительная, часто можно наткнуться на режущие предметы. Я посмотрел на своего кота. Джерри был моим любимцем, самый крупный из всех котов. Его я купил первым, он был самым агрессивным, вредным котом. Но я смог его приручить, он стал очень преданным. Однажды даже дрался за меня, отчего получил шрам, но спас мою шкуру. Шерик и Маруська были его детьми, поэтому я не хотел брать их с собой. Он бы не позволил им пойти с нами, даже Джерри понимал, что мы едем в опасное место.

На мертвой земле делать нечего, только безумцы сюда заезжают. Здесь практически не бывает ветра, дождя. Местность тут скалистая, без каких-либо растений. Даже насекомых тут не водится, иногда лишь попадаются чьи-то черепа и кости.

– Что это за могила? – спросила Шел.

Мы подъехали поближе и увидели крест с надписью «Маленькому черноволосому Кириллу».

– Говорят, что эта могила и стала причиной появления мертвой земли, – сказал Спектр.

– Существует легенда про человека по имени М. Точного имени никто не знает, известна лишь первая буква. Однажды он ушел на работу, оставив сына и мать дома. Была его

смена охранять ворота города, он сидел в башне и наблюдал сверху. Но он так устал, что случайно уснул на посту. Именно в этот день на город напали. Потери были огромными. Врага удалось уничтожить, но когда М. вернулся домой, он увидел, что сын его был мертв. Жена плакала и говорила, что не смогла его уберечь, он выбежал сражаться с врагом. Тогда М. похоронил сына и поставил крест на этом месте. И говорят, что земля вокруг этой могилы почернела, и с каждым годом территория ее увеличивалась. Но это лишь легенда, – сказал я.

Шел внимательно смотрела на надпись, на ее глазах я заметил слезы.

– Почему ты плачешь? – спросил я.

– Просто подумала. Наверное, им было очень больно потерять ребенка, к которому они успели привыкнуть и полюбить.

Я подъехал к ней поближе и положил руку на плечо. Она вытерла слезы, и мы поехали дальше.

– Шел, скажи, а можно ли было бы в паутинном доме отказаться продавать кладки и все время жить на первом этаже? – спросил я.

– Можно, но если ты не производишь кладку, пауки сжирают тебя. Поэтому приходится выбирать между своей жизнью и жизнью своих детей. Если честно, я не хочу вспоминать об этом.

Больше я старался ее не спрашивать ни о чем. Лишь ино-

гда мы втроем о чем-то разговаривали, большую часть времени молчали. Мы ехали четыре часа мимо скал, костей и вдыхали запах гари. Воздух забивал легкие, он здесь до невозможности сухой. Сквозь туманное небо виднелось алое солнце.

От наскучившей дороги я практически уснул, но потом тут же проснулся, когда кот резко остановился. Мы посмотрели вперед, и Спектр произнес:

– Мертвая долина.

Земля приобрела красный цвет, местность была усажена высушенными деревьями, на которых росли человеческие сердца. Нас охватил туман. По пути попадались сломанные предметы, грязная и полусгнившая игрушка мягкого тигренка, книга, лежавшая в луже, разбитый будильник. Мы шли по тропинке, стараясь огибать эти вещи. Солнце полностью скрылось за облаками и туманом.

С каждым шагом мы все отчетливее слышали чей-то голос. Он повторял одно и то же. Когда мы подошли ближе, то заметили, что это был граммофон. Детский голос говорил: «Мама, я не виноват в его смерти». Я хотел подойти поближе и вытащить пластинку, но Спектр запретил мне это делать.

– Ничего здесь не трогай, иначе мертвецы заметят наше присутствие.

Мы прошли мимо, нам все чаще стали попадаться камни, заросшие мхом, на которых были высечены разные надписи.

«Я не знал, что так получится».

«Это я во всем виноват».

«Я виноват в смерти брата».

«Я позволил своему ребенку умереть».

«Меня все ненавидят».

«Я виноват в смерти своего отца».

«Я ничтожество».

«Я должен умереть».

«Я не достоин быть прощенным».

«Бог меня предал».

«Бога нет».

– Кто пишет эти надписи? – спросил я.

– Мертвецы, которые совершили много ошибок при жизни, – ответил он. Я взглянул на Шел, ее окутала дрожь. Неожиданно из дерева появился мертвец женского пола. Она смотрела на нас огромными желтыми глазами, у нее были длинные рыжие волосы, а на голове – рога, словно ветви дерева. Она сидела в согнутом положении, касаясь когтями болота. На ее темной коже рос мех как у животного. Я медленно достал оружие, но Спектр меня остановил:

– Пока она не нападает, не нужно показывать наш враждебный настрой.

– Разве они не хотят нас убить? – спросила Шел.

– Пока ведем себя как можно дружелюбнее, – сказал Спектр.

Мы прошли мимо нее, она не отводила от нас взгляда, но и не нападала.

– Ди, там еще мертвецы, – сказала Шел.

Их становилось больше, они были повсюду. Мертвецы мужчины отличались от женщин тем, что у них рога в виде ветвей доходили аж до середины спины, словно кустарник. Они были похожи на оборотня с вытянутым черепом вместо головы и тощим телом, заросшим шерстью. Все они смотрели на нас, некоторые ломали ветви деревьев и готовились напасть.

– Мы пришли сюда с намерением найти своего друга, – громко сказал Спектр. – Его имя Одуванчик.

– Каждый, кто приходит сюда, становится мертвецом.

Они стали нас окружать, я достал оружие. Коты зашипели, мы прибавили шаг. Десятки желтых глаз надвигались на нас, мы запрыгнули на котов. Один из мертвецов напал на меня, я начал палить из огнемета. Их стало больше, словно муравьи, когда разрушишь их муравейник. Длинные, выносливые, высоко прыгающие.

– Они убьют нас! – выкрикнула Шел. Я кидал в них бомбы, один вцепился когтями мне в ногу. Шел обрубила ему руку. Неожиданно пятеро напали на нас разом, и я упал на землю вместе с Джерри. Я сильно ударился плечом, огнемет выпал у меня и рук. Я не успел его взять, мертвецы тут же затоптали его и набросились на меня.

Они рвали на мне одежду, их когти, словно лезвие, вцеплялись в мою кожу и раздирали ее. Я слышал, как кричал Спектр и Шел, но не видел, что происходит. Джерри не переставал сражаться, он яростно откидывал мертвецов, когда

они нападали снова и снова. Он разодрал зубами одного из них, когда тот уже окончательно в меня вцепился. Кричащий Джерри взял меня за плащ и кинул в сторону. Меня отбросило на несколько метров, я оказался у края пропасти. Тысячи кишащих мертвецов сражались друг с другом в бездне.

Обернувшись, я видел, как моих друзей убивают, как Джерри сражался из последних сил. Комки его шерсти летели в разные стороны. На мгновение я словно начал терять сознание. Разум помутнел, я с трудом поднялся с земли. Мертвецы были повсюду. Я заметил рядом с собой старое пианино, прямо на краю обрыва. Оно стояло одинокое, в пыли, забытое, ненужное.

Ко мне подошла мертвая девочка с книгой и дала ее мне. Там были ноты. Она сразу же ушла и растворилась в пучине сражавшихся мертвецов. В этот момент я понял, смерть неизбежна. Наши силы неравны, мы не справимся против целой армии. И все оказалось бессмысленным. Жизнь пролетела у меня перед глазами, бесполезная работа, пустой дом, зоркие, ненависть, злоба, надежда на лучшее.

Когда-то в детстве я играл на пианино, но потом забросил это дело. И я так и не прикасался к нему ни разу после смерти отца.

Я сел на грязный стул и открыл первую страницу книги. Это был Бетховен «Лунная соната». Мертвая рука вонзилась мне в плечо, я почувствовал жгучую боль, но не среагировал. Мои пальцы коснулись пыльных клавиш, и я начал играть.

На краю пропасти, в секундах от смерти я исполнил то, о чем так долго мечтал.

Мелодия зазвучала тихо, а потом становилась громче...громче...громче... отчетливее. Я почувствовал себя, будто вернулся в детство, где не было войны, и мы с отцом собирали роботов.

И в эту секунду я осознал, умирать не страшно, страшно ни разу не попытаться сделать то, о чем мечтаешь. Прожить в пустоте, так до конца и не раскрывшись.

Туман внезапно рассеялся. Время остановилось. Я отошел от пианино, мертвецы замерли. Шел, Спектр и коты подошли ко мне. Мы стояли возле обрыва и смотрели, как один из мертвецов со светлыми кудрями на голове летит к нам на огромной лампочке, словно на воздушном шаре. Он зацепился за обрыв, чтобы его не унесло.

– Вы всегда были безумцами, прийти сюда только ради меня.

Одуванчик сильно изменился, он выглядел также как и все мертвецы, лишь кудри его отличали. Его глаза тоже стали желтыми. Я наклонился к нему и с болью в душе произнес:

– Прости, что не был вовремя, чтобы спасти. За что они с тобой так? Ты можешь уйти отсюда?

– Если бы мог, то мы все бы здесь не оставались. Я здесь заточен. Ди, мне нужно сказать тебе кое-что. Ты сможешь найти автора книги, если пойдешь к истоку. К началу всего, только там есть ответы на все вопросы. Все, что я могу тебе

сказать, его имя высечено на камне, который находится на краю долины смерти.

– Скажи, за что тебя убили зоркие? – спросил я.

– Они сказали, что я связан с автором книги. Но я этого не помню. Они толком не объяснили, я знаю лишь это. И если они ищут тебя, значит, и ты с ним связан. Но только автор знает все.

– Одуванчик, я вытащу тебя отсюда, – сказал я.

– Ди, мертвецы начинают шевелиться. Хватайтесь за лампочку, иначе вам не спастись. Меня мертвецы не тронут, – сказал Одуванчик.

– Хватайся вместе с нами, – уговаривал Спектр. – Прошу, не бросай нас.

– Не могу, тогда мы снова приземлимся здесь, и вас убьют, – сказал он.

Коты схватились зубами и когтями за толстую веревку, мы взялись чуть ниже. Лампочку понесло в небо, в этот момент мертвецы зашевелились. Я видел, как Одуванчик провожал нас взглядом, пока не смешался с толпой таких же мертвецов.

Я никогда не забуду глаза Спектра, когда мы улетали. Удушьящее понимание, что ничего нельзя сделать, и желание остаться. Он не кричал, не пытался вернуться, он принял это с ужасающей болью утраты. И никому не показал своих чувств. Это меня всегда поражало в Спектре, его стойкость.

Меня же выворачивало от боли наизнанку. Я не мог про-

сто уложить в голове, что Оди мертв. Эта мысль не доходила до меня.

Лампочка летела долго, мимо одинаково скучных облаков и выжженной земли. Полет казался невыносимым. Когда мы приземлилась на стыке мертвой земли и долины смерти, Спектр с задумчивым видом остался стоять на месте. Он окаменел от печали.

– Мне очень жаль, – сказала Шел, тем самым нарушив тишину. Я молчал, воспоминания об Одуванчике меня пожирали. Ненависть к зорким достигла предела. Желание мести окутало меня пеленой.

– Мне не хочется сейчас говорить об этом, но вам не кажется странным, что он сказал об истоке. Разве это не выдумка? – продолжила Шел. Она пыталась хоть как-то привести нас в чувства, но сейчас это казалось невозможным.

– Не все то, что выглядит безумно и бездоказательно, не существует на самом деле, – ответил Спектр, его лицо стало совсем бледным, а во взгляде появилась пустота. Я заметил, как он сдерживал слезы. Это меня потрясло, я никогда не видел Спектра таким уничтоженным. Нужно было что-то сказать ему, но я не мог подобрать хоть одного слова. Мы даже не смогли нормально похоронить Одуванчика.

Я отвел взгляд, и тут мое внимание приковал одинокий камень. Я подошел ближе, и вспомнил слова Оди. На нем мелко было написано слово, я сделал еще несколько шагов, и тут мою голову пронзил ультразвук. В глазах потемнело,

сердце будто сжала чья-то рука. Перестало хватать воздуха. В этот момент я смог прочитать имя.

НЕУЖЕЛИ

АВТОР КНИГИ...

– Ди! – закричала Шел с ужасом в голосе. Я медленно обернулся, передо мной стояла армия зорких. Они схватили моих друзей. Один из зорких вдруг вышел из толпы и направился ко мне. Он шел уверенно, приподняв клюв кверху. От него несло заносчивостью, уверен, он гордился, что смог поймать нас.

Он остановился напротив меня. В его линзах отражалось огненное солнце. В следующую секунду Зоркий усмехнулся, что разозлило меня еще больше. Он нагнулся ко мне и с нескрываемой радостью в голосе произнес:

– Ну, здравствуй, Ди.

Грань

Все началось солнечным августовским днем. В трехэтажном доме раздался звонок в дверь. Вика и Аня услышали в динамике домофона незнакомый мужской голос. Кто мог знать, что с этого момента их жизни изменились навсегда.

Сделав шаг за порог этого дома, Вика увидит, что такое настоящая тьма.

* * *

Они остановились возле ворот. Страх парализовал обеих. Им тяжело было сделать этот шаг.

Позади слышался шорох листьев. Пахло соснами. Солнце иногда выглядывало из облаков, его лучи уже не казались такими теплыми. Лето заканчивалось.

– Как думаешь, он нас впустит? – робко спросила Аня. Тоненькой изящной рукой она коснулась своих белокурых волос. Легкое платье, обрисовавшее ее худенькую фигурку, развевалось на ветру.

– Ему придется это сделать. Все будет нормально! – улыбнулась Вика. Протянула руку к домофону, но помедлила – боялась. Она поправила свои черные густые волосы и глубоко вздохнула. Дрожащими пальцами Вика набрала на домофоне номер. Ждать или уйти? Каждый писк домофона слов-

но тяжелый камешек падал на вторую чашу весов, говоря: «Уходите!». Аня бы так и поступила, если бы не сестра, которая не двигалась с места.

Послышался женский голос. Ответила горничная. Аня вцепилась в платье, а Вика сглотнула.

– Вам кого?

Вика на мгновение растерялась, но потом взяла себя в руки:

– Нам нужен Кирилл Александрович.

– По какому вопросу?

– По личному. Нам нужно с ним поговорить.

– Это невозможно. Во-первых, он не предупреждал, что сегодня к нему придут посетители. Во-вторых, его сейчас нет дома, поэтому я не могу впустить вас без его разрешения.

– Но это крайне важно! – не выдержала Вика, но Аня взяла ее за руку, и та смягчилась. – Когда он приедет?

– Не могу сказать. Он не ставил меня в известность.

– Тогда мы будем ждать здесь, пока он не придет, – сказала Вика.

Все с самого начала пошло не по плану, и только упрямство и злость на себя заставляли Вику упорствовать. Она уже хотела повесить трубку домофона, как вдруг послышался чей-то мужской голос.

– Кто вы такие? Что вам нужно?

Вика сначала подумала, что это тот самый Кирилл, которого они ищут, но Аня дала понять, что это не он.

– Меня зовут Виктория, я пришла со своей сестрой Анной. Нам нужно встретиться с Кириллом Александровичем. По личному делу.

– Говорите прямо, – ответил грубо незнакомец. Вика замялась, но все же ответила:

– Моя сестра беременна от Кирилла Александровича.

Последовала пауза. Вика ждала реакции незнакомца. Аня была готова упасть в обморок от напряжения.

– Почему я должен вам верить? – Голос немного смягчился, но в нем по-прежнему слышались ноты недоверия.

– Это правда! Мы готовы сдать любые анализы.

Разговор прервался. Незнакомец повесил трубку. Ане стало плохо. Вика едва успела подхватить сестру под руку и осторожно усадить на траву у ворот.

– Он даже... даже не выслушал, – говорила Аня дрожащим голосом, ее глаза наполнились слезами. Вика гладила сестру по голове, успокаивая. Они сидели, крепко обнявшись. Вика хоть и была на два года младше сестры и пока еще училась в школе, но вела себя скорее как старшая. Если не знать возраст обеих, Аню вполне можно принять за девчонку лет семнадцати, а Вика выглядела на все девятнадцать.

Вика вела себя сдержанно. Она не показывала разочарования и злости, поскольку сестре сейчас было гораздо сложнее. Внезапно за воротами послышался шорох. Аня перестала плакать и быстро вытерла слезы. Вика прислушалась.

Ворота открылись, и перед ними предстал молодой чело-

век лет двадцати пяти, который, по-видимому, и являлся тем незнакомцем, что разговаривал с ними пару минут назад.

Он был очень худым, будто недели две не ел. Футболка, местами мятая, казалось, ему велика, хотя незнакомец был высок ростом. Лицо бледное, острые скулы. Черные волосы падали на лоб. Молодой человек окинул девушек усталым взглядом. Он не выглядел уродливо, черты лица были вполне привлекательными. Отталкивающее впечатление производили изможденность и неестественная худоба. В правой руке молодой человек сжимал цепочку, на кончике которой качалась из стороны в сторону маленькая серебряная монетка.

– Кто из вас Анна?

Вика замерла. Аня заставила себя робко улыбнуться.

– Я.

– Раз вы так хотите увидеть Кирилла, я предоставлю вам эту возможность в обмен на одну услугу.

– А вы кто такой, чтобы ставить условия? – перебила Вика. Молодой человек усмехнулся.

– Я его брат и настоящий владелец этого дома. Он, небось, и тебе сказал, что живет здесь? – незнакомец взглянул на Аню.

– Что вы имеете в виду? Что значит... «и тебе»? – спросила Вика, но парень проигнорировал вопрос.

– Условия просты. Вам всего лишь нужно ответить на один вопрос.

Вика нахмурилась.

– Какой?

– Существует слон, но у него нет хобота. Почему?

Девушки на несколько секунд оторопели, так как вопрос казался абсурдным. Незнакомец следил за реакцией девушек, движениями. Он заметил растерянность во взглядах. Однако его, похоже, всерьез интересовал их ответ.

– Это просто глупо, – не выдержала Вика. – Детский сад! Я не буду отвечать на этот тупой вопрос!

– Я назвал свое условие.

– Самое идиотское условие! Нельзя было придумать что-то нормальное! Это просто издевательство! Мы пришли поговорить на серьезную тему, а вы задаете глупые вопросы. Было бы что-то более адекватное, но это... Просто бред.

– До свидания.

Молодой человек развернулся и сделал попытку закрыть дверь. Время словно остановилось. Они теряли последнюю надежду из-за упертости Вики.

– Это фигура слона в шахматах! – воскликнула Аня. Незнакомец остановился и повернулся. На его лице появилась широкая и немного сумасшедшая улыбка. Вика оторопела.

– Добро пожаловать в мой дом! Меня зовут Михаил, и я рад приветствовать новых гостей.

Девушки не могли пошевелиться от удивления. Аня комкала в пальцах краешек подола, Вика широко открытыми

глазами глядела на сестру. И лишь Михаил продолжал улыбаться.

* * *

Ветер усилился настолько, что гнулись верхушки деревьев. Запахло свежескошенной травой. Вика заглянула через открытые ворота и заметила садовника с газонокосилкой. Ей стало интересно, что находится внутри дома, но все же странное поведение Михаила напрягало. Она недоверчиво смотрела на его ухмылку и хотела уже развернуться, но безнадёжное выражение лица сестры заставило пройти внутрь. Поговорить с отцом ребенка было необходимо.

Только вступив на дорожку, девушки заметили клумбы со множеством алых цветов. В основном это были розы, причем с огромными шипами. Позади дома можно было рассмотреть яблоневый сад: деревца, высокие, с пышной кроной, росли на примерно одинаковом расстоянии друг от друга. Кое-где на земле виднелись аппетитные на вид красные яблоки. Великолепный трехэтажный дом обрамляли кусты причудливой формы. Пока Аня с восхищением рассматривала изящную решетку, украшавшую балкон, и светлые высокие окна, Вика подозрительно разглядывала хозяина.

Поднимаясь на крыльцо по массивной мраморной лестнице, Вика едва не зацепилась браслетом за один из фонариков, украшавших перила. «Что у него, праздник какой-то,

что ли?» – подумала она. Михаил открыл большую черную дверь. Вику сразу поразил контраст между внутренней частью дома и наружной. С улицы особняк приковывал взгляды, выглядел уютным, словно его вырвали из американского фильма о счастливой семье. Но внутри дом казался мрачным. Излишняя строгость и пустота отсекали всякую мысль об уюте. Всюду висели картины, но стены все равно казались голыми. На холстах были изображены сцены, связанные со смертью, что скорее было выражено метафорически, нежели напрямую. Вика это почувствовала, к тому же она знала этих художников.

Лестница на второй этаж вела слишком резко вверх без изгибов и переходов. Темно-коричневые диванчики стояли возле стеклянного журнального столика, на котором лежала всего одна вещь – книга Тургенева «Отцы и дети». «Этому чудику совсем нечем заняться, кроме как читать школьную программу»? – подумала Вика. В гостиной она заметила несколько старинных вещей. Большие часы стояли на полу неподалеку от камина.

Обычно в каждом доме есть собственный запах, который отличает его от других. Здесь Вика не почувствовала ровным счетом ничего. Зайдя внутрь вслед за Михаилом, она не ощутила запаха книг возле книжных полок или аромата только что приготовленной еды. И свет, проникающий через большие окна, не делал комнату светлее. Вика лишь подметила, что в комнате немного прохладно, хотя на улице конец

августа.

Девушки сели на жесткий диван. Михаил по-прежнему то наматывал цепочку на палец, то сжимал кулон-монетку в кулаке, при этом ходил из стороны в сторону. Он внимательно рассматривал Вику. Она мало походила на Анину младшую сестру. Вика была девушкой с выдающимися формами: обтягивающая майка подчеркивала пышную грудь, джинсы туго сидели на бедрах. Верхняя губа была немного вздернута, а голубые глаза подведены черными стрелками.

Михаил перевел взгляд на Аню. Она казалась девушкой из девятнадцатого века – воздушной, одухотворенной, улыбчивой. Михаил заметил ее неуверенную походку и скромные движения. Аня подняла на него широко распахнутые наивные глаза. Хозяин дома отвернулся.

Вику напрягало поведение Михаила, оно казалось пренебрежительным, а вид – равнодушным. Она хотела задать провокационный вопрос, но Аня это предвидела и опередила ее:

– А Кирилл скоро придет?

Михаил остановился и посмотрел на девушку.

– Он приходит тогда, когда ему вздумается.

– И мы все это время будем просто сидеть и ждать? – возмутилась Вика и нахмурила густые брови.

– Могу предложить чай с чизкейком.

– У меня аллергия на чизкейк. – Вика скрестила руки на груди, на лбу у нее появились морщинки. Она нервно тере-

била серебряное кольцо с надписью «Nirvana» на указательном пальце.

– Жаль, они очень вкусные, – ответил Михаил.

Вика никак не отреагировала и продолжила сидеть с недовольным видом. Михаил широко улыбнулся. Аня единственная вела себя благоразумно, стараясь не допустить новой ссоры.

Внезапно тишину нарушил шум широких крыльев. Под потолок гостиной взмыл непонятно откуда взявшийся ворон. Он несколько раз каркнул, отчего девушки вздрогнули. Ворон подлетел к Михаилу и сел ему на плечо.

– Это мой ворон по кличке Икс. Только прошу вас избавиться меня от шуток наподобие: «А почему не Игрек?». Меня от них тошнит.

– Интересный у вас выбор домашних животных. Надеюсь, из-под дивана на меня не выпрыгнет тарантул или крокодил?

– Нет, я хотел завести змею, но потом передумал.

– Почему?

На лице Вики появилась ехидная улыбка.

– Думаю, Иксу это не понравится. Он больше любит одиночество.

– Вам оно тоже нравится?

– Вик, ты что... – шепнула Аня, но Вика не стеснялась задавать каверзные вопросы.

– Я думаю, каждый человек нуждается в одиночестве. Невозможно всю жизнь провести в компании, растеряешь

себя. Но и остаться навсегда одному, значит, утаить в себе и захоронить ту часть, которую мы должны были кому-то отдать.

Неожиданно их разговор прервал хлопок входной двери. В комнату вошел тот, кого так все ждали – Кирилл.

* * *

Новая идеально выглаженная синяя рубашка, заправленная в брюки, потрясаяще шла ему. Вика решила, что он даже слишком идеален: на левой руке безупречные золотые часы, черные ботинки с тонюсенькими шнурками начищены до блеска. Светлые волосы уложены на бок, но одна прядь падала на лоб. Он был чисто выбрит. Портили вид только руки с заметно выступавшими венами.

Кирилл остолбенел, его лицо побледнело.

Братья были похожи – тот же острый нос, грубые скулы, небольшие глаза, ярко выраженный кадык. Правда, Кирилл не выглядел изможденным, скорее, наоборот, казался очень привлекательным. У него было спортивное телосложение, короткие рукава рубашки плотно прилегали к рукам.

Кирилл провел языком по тонким губам. Повисло молчание. Стало так тихо, что слышались шаги горничной в коридоре на втором этаже. Аня посмотрела на Кирилла и едва заметно вздрогнула. Вике показалось, что сестра боится даже пошевелить мизинцем. Михаил с интересом наблюдал за

происходящим, вцепившись пальцами в цепочку. Вика взяла сестру за руку, чтобы та не потеряла сознание. Рука Ани была ледяной.

– Что ты здесь забыла? – недовольно начал Кирилл. В его голосе было столько злости, что Аня испугано захлопала ресницами, стараясь сдержать подступившие слезы. Кирилл обратил взгляд на Михаила. – Зачем ты их впустил?

Михаил сделал шаг навстречу брату и холодно на него посмотрел:

– Когда ты научишься отвечать за свои поступки?

Кирилл сразу понял, о чем идет речь. Он фыркнул в ответ и сделал вид, что его это не задело, но в груди его явно кипела злость. Кирилл яростно глядел не на Аню, а на Вику, словно знал, что без сестры Аня не решилась бы даже близко подойти к его дому.

Все смотрели на Кирилла и ждали его реакции. Наконец, он сказал:

– Я не верю, что это мой ребенок.

Михаил усмехнулся. Попытка брата отпереться его несколько не удивила, он, похоже, ожидал чего-то подобного. Он сразу заметил желание Кирилла потянуть время.

– Мы же оба знаем правду. Он ведь твой, не так ли? – ехидно произнес Михаил.

Вика заметила, что Михаил играл с братом, пытался вывести того на чистую воду, следил за эмоциями, жестами, взглядом. Кирилл занервничал – делал много лишних дви-

жений, взгляд бегал из стороны в сторону.

– Они обвели тебя вокруг пальца. Им просто нужны деньги.

– Хочешь сказать, ребенок не от тебя? – спросил Михаил.

– Не уверен, что она вообще беременна.

Вика едва не вскочила от злости, но Аня удержала ее. Михаил подошел к брату и встал напротив него. Тот спрятал руки в карманы и старался выглядеть спокойным. Получалось не слишком хорошо.

– Мы можем это проверить. Тест на беременность, анализ ДНК. Поехали прямо сейчас, уточним детали в клинике. Ань, ты не против? – Михаил посмотрел на нее.

– Не против.

– Отлично, поехали.

– Мы никуда не поедem, – прервал Кирилл. Он знал, что ребенок от него, так как Аня на момент встречи с ним была невинна. Он знал это и по другим интимным признакам, но не хотел принимать действительность и становиться отцом.

– Позже все проверим, – продолжил он, едва взглянув на Аню. – Если твои слова подтвердятся, я буду выплачивать алименты, но на большее не рассчитывай.

Аня не позволяла слезам выступить, стараясь сохранить достоинство перед Кириллом. Видимо, в ее душе теплилась слабая надежда, что Кирилл все же однажды вернется к ней, она лелеяла эту мысль и пока не могла расстаться с ней. Чувства еще не угасли.

– Она не может вернуться домой. Отчим выгнал ее, узнав о беременности, – сказала Вика.

– И что же ты прикажешь? Квартиру ей снять? – закричал Кирилл. Все обратили внимание на его покрасневшее лицо и судорогу в левой руке.

– Может, она пока поживет здесь? – предложил Михаил. Аня выдохнула, а Вика приятно удивилась.

– Даже не думай, что можешь вот так легко вмешиваться в мою жизнь! – Кирилл сжал руку в кулак. Михаил заметил вздувшуюся от злости вену на лбу брата. Кирилл едва сдержался, чтобы не пустить в ход кулаки. Нервы у всех были на пределе.

– Это мой дом, здесь я решаю, кого приглашать, а кого выгонять! – крикнул Михаил. Кирилл не выдержал.

– Да пошел ты!

Он ринулся к брату, схватил за футболку. Тот по-прежнему был спокоен и невозмутим. Кирилл сжал пальцы сильнее, а потом что-то шепнул Михаилу на ухо, после чего тот переменялся в лице. Кирилл засмеялся:

– Хочешь, я всем расскажу, какая ты на самом деле тварь? Неужели тут все думают, что настоящий урод – это я. Не-е-т. Ты, мразь!

Кирилл ткнул в брата пальцем и отпустил его. Михаил пытался не сорваться. Он стоял с опущенной головой и молчал. Несмотря на просьбы Ани успокоиться, Вика не выдержала, вскочила с дивана:

– Хватит перекладывать вину на других! Здесь все виноваты, кроме тебя! Я – тварь, что привела сестру, она тварь, что решила оставить ребенка, твой брат мразь, что захотел ей помочь, хотя другой бы на его месте послал нас куда подальше. Ну а ты что? Неужели ты ни в чем не виноват, а?

Сердце колотилось в груди, Вику переполняла злость. Она была словно вулкан, готовый вот-вот извергнуться. Вику раздражал тот факт, что очевидную правду пытались смешать с грязью. В комнате стало жарко. Кирилл начал вести себя странно. Он вдруг расхохотался, словно сошел с ума.

– А ты ненормальная, – сказал Кирилл и засмеялся еще сильнее. В этом нервном припадке он пошел к лестнице, чтобы скорее покинуть комнату. По пути добавил: – Пусть живет здесь, раз вам так хочется. Вы все ненормальные!

Скоро шаги и смех стихли. Кирилл где-то наверху хлопнул дверью и заперся, чтобы побыть в одиночестве. По лестнице спустилась горничная и вышла на улицу. Никто и не заметил ее, хотя прошла она совсем рядом. Каждый был настолько занят своими мыслями, что уже не мог обращать внимание на кого-то еще.

Запись из дневника Вику

«Давно не писала в свой дневник, но сейчас накопилось. Моя сестра забеременела от козла, которого зовут Кирилл. Теперь у нас огромные

проблемы. Отчим выгнал ее из дома и сказал, что разрешит ей вернуться, если она сделает аборт. Я в ужасе, что все к такому пришло, если бы был жив наш отец, я уверена, он бы никогда не сказал такого Ане. Ненавижу своего отчима, этого уroda.

И все было бы гораздо проще, если бы Кирилл оказался нормальным парнем, но... Аня рассказала, что Кирилл не собирается с ней продолжать отношения (если это можно вообще называть отношениями) и в воспитании ребенка не будет принимать участия. Честно говоря, мой мир перевернулся, когда я узнала, что на третий день знакомства Кирилл затащил ее в постель. Я считала Аню другим человеком и была уверена, что она никогда бы не совершила такую глупость. Для меня она романтическая и впечатлительная девушка, читающая книги о великой любви. Но в итоге Аня доверилась козлу, которому на нее плевать.

Ситуация с ребенком привела нас в тупик. Аня не хотела делать аборт, объясняя это тем, что не сможет жить дальше. Мне ничего не оставалось, как пойти к этому Кириллу вместе с Аней. Я не знаю, как поступила бы я в этой ситуации. Возможно, я бы рассматривала вариант, которого так боится Аня, но... это все очень тяжело.

А мое мнение по поводу любви не изменилось. Я, как отрицала ее существование, так и буду отрицать. Вообще раздражают влюбленные парочки, тупые разговоры на переменах. Хочется сбежать от

всей этой суеты.

Вчера, кстати, снова играли с ребятами в футбол и сделали новое граффити на заброшке, очень круто получилось, теперь на стене нарисован тигр.

Чуть не забыла! Позавчера ко мне подошел Федоров, я дословно не помню, но он сказал примерно следующее: «Ты мой идеал. Ты красивая, у тебя черные густые волосы, красивое лицо, улыбка, ты оптимистичная, жизнерадостная, сумасшедшая...».

И тут я не выдержала и рассмеялась, Боже, это было так жестоко с моей стороны, я даже не знаю, что в этом было смешного, но только после этого, он больше ни слова не сказал. Я точно дура, что так себя повела, не знаю, что на меня нашло, но почему-то мне до сих пор весело. И что самое интересное, он в этот же день предложил встречаться Настюхе из «Б» класса. Она вроде согласилась, но суть даже не в этом, а в том, что Федоров просто полный идиот».

Запись в дневнике Вики следующего дня

«Утром Михаил, как и обещал, прислал к дому машину. Мы с водителем помогли Ане перенести вещи. Я поехала с ней и помогла разобрать вещи, а потом вернулась домой.

Теперь я осталась одна в комнате. Раньше мне иногда этого хотелось, побыть одной, насладиться тишиной за мольбертом, рисуя извилистые облака

и бушующий океан. А теперь мне кажется, что в одиночестве есть нечто удручающее. Так странно, мое мнение изменилось всего за один день.

Я подошла к окну и посмотрела на уходящее лето. Грустно расставаться с ним, на улице уже нет той июльской жары, нельзя больше убежать на пруд с друзьями, искупаться, прыгнуть с моста бомбочкой. Приближается осень, одиннадцатый класс. Это последний год, когда мы будем все вместе, а дальше университет, новые лица. Смогу ли я найти там таких же близких друзей, каких нашла в школе? Вдруг все там окажутся чужими. Меня пугает и одновременно привлекает эта неизвестность. Я с детства мечтала стать художником, училась, рисовала. Вся наша квартира завешана моими картинами, многие пришлось раздарить друзьям, так как места попросту перестало хватать. Многие знают о нашей «банде» благодаря граффити, которые мы оставляем на домах. Некоторые даже специально просили разрисовать их гаражи, это было круто. Кому-то нравится твое творчество, этот факт поднимает самооценку и желание продолжать свое дело.

И, тем не менее, я безумно боюсь, что не смогу поступить в Москву на художника. Боюсь, что завалю экзамены, и мне придется пойти на какую-нибудь скучную специальность вроде экономиста. Для меня нет ничего хуже, чем алгебра, зато геометрия и черчение даются мне гораздо лучше. Конечно,

черчение и тем более геометрия невозможны без математики, но, в отличие от математики, там хотя бы нет этих логарифмов, интегралов и прочего. Там совершенно другие задания. Очень жаль, что в одиннадцатом классе нет ИЗО, вот было бы весело! Еще как-то интересно бывает на уроках литературы, наша учительница умеет интересно рассказывать, будто она на своем месте, там, где и должна быть. Ее слушают даже отсталые двоечники, таких учителей нужно еще поискать. На большей части уроков ты готов умереть со скуки и часто считаешь СЕКУНДЫ до звонка. Не о минутах речь. А потом по ним еще приходится делать нудные домашние задания. Такое ощущение, будто все учителя договорились отравить последние годы учебы и лишить возможности насладиться школьными деньками.

Нельзя не сказать про ЕГЭ. Достало! Когда же учителя уже перестанут нас пугать им? Каждый день они рассказывают нам разные истории, которые будто вырваны из фильмов ужасов. И хорошо это я человек не впечатлительный, но есть в классе девушки, которые едва ли не в обморок падают. Они очень хотят сдать на наивысшие баллы и всеми днями усердно готовятся, занимаются с репетиторами. Я, конечно же, тоже готовлюсь, но не до фанатизма. Я все-таки не хочу потерять голову из-за учебы, мне хочется еще и делать что-то для души. Если у меня не получится поступить ни в один художественный ВУЗ, я очень сильно расстроюсь, но не пойду сбрасываться с крыши,

а попытаюсь сдать экзамены еще раз на следующий год.

Никак не могу привыкнуть к той мысли, что теперь Ани не будет рядом. Мы столько лет прожили в одной комнате, а теперь я буду жить без нее. Мне непривычно даже просыпаться без нее и засыпать... Моя сестрица – ранняя пташка, я не понимаю, как можно проснуться в семь утра в воскресенье. Помоему, нужно быть сумасшедшим. А она просыпалась и читала свои романтические книги. Я люблю рисовать по вечерам и ложиться поздно ночью. Конечно, такое было возможно только в выходные и на каникулах. Раннее утро для меня – настоящая пытка. Ночью со звездами приходит вдохновение. Лучшее время, чтобы начать рисовать то, где бы я хотела оказаться».

*** * ***

На часах было ровно девять вечера. Аня лежала на просторной кровати в огромной спальне, где пахло свежим постельным бельем, а из окна открывался вид на яблоневый сад. Она поначалу не могла поверить, что теперь это ее комната. Прежде чем заснуть она внимательно осмотрелась. Над кроватью из мозаики был выложен раскидистый дуб, слева располагался огромный шкаф с зеркалом. На тумбочке стояла розовая орхидея, а рядом – серебряный поднос, на котором сверкал изгибистый кувшин с водой. Люстра по всем

габаритам была огромной, а ковер необычайно мягким.

Прошло около трех часов, пока странные звуки не разбудили девушку. Аня позвала Вику, но та не отвечала. Ее сердце нервно забилось в груди, пока она не осознала, что сейчас в доме Михаила. Девушка открыла окно и слышала нечеловеческие крики...

– Как будто кого-то режут...

Аня решила рассказать об услышанном Михаилу. Она вышла в коридор и оказалась в темноте. Ее руки затряслись, она боялась темноты до ужаса, до дрожи в коленях. Аня пыталась успокоить себя и повторяла: «В темноте не бывает чудищ, это только моя фантазия, если включить свет, здесь ничего не будет, кроме пустого коридора. Я взрослая, и я должна перестать бояться этого». Аня включила фонарик на телефоне, собрала все свое мужество и пошла к комнате Михаила. Она хотела бросить вызов своему страху, который мешал ей всю жизнь. Как-то в интернете Аня прочитала – чтобы перестать бояться паука, нужно завести себе этого паука и подружиться с ним. Ей казалось это безумием, но сейчас она решила испытать эту методику в деле.

Неожиданно чья-то рука легла ей на плечо. Аня вскрикнула и прижалась к стене, тело затряслось, словно по нему пронесся электрический разряд.

– Господи, с вами все в порядке? – спросила горничная. Аня пыталась отдышаться и успокоиться. Она внимательнее посмотрела на лицо горничной, после чего узнала ее.

– Вы так неожиданно появились, я чуть не умерла от страха.

– Простите, что напугала вас. Что вы тут делаете?

Аня отошла от стены, возникла небольшая пауза. Она не знала, стоит ли говорить горничной о крике, который слышала. Аня еще раз взглянула в глаза собеседницы и решила уйти от вопроса:

– Вы тут живете? Почему вы не у себя дома?

– Я живу далеко от работы и приезжаю домой только на выходные. Михаил Александрович разрешил мне ночевать у него дома. Тем более я живу одна, и у меня никого нет.

Аня задумалась над словами горничной, но та воспользовалась моментом и решила задать интересующий ее вопрос снова:

– Так что вы делаете возле двери Михаила Александровича?

Аня поняла, что просто так ей не уйти от вопроса:

– Я просто... услышала какие-то крики и решила сказать об этом.

– Крики? Я ничего не слышала. Возможно, кто-то на улице кричал, пьяная компания.

Аня задумалась.

– Наверное, мне спросонья померещилось. Простите, вы не проводите меня до комнаты.

Аня не стала спорить с горничной и последовала обратно в комнату, тем более что шум прекратился. Она спала толь-

ко с включенным торшером, так было спокойнее. Девушка решила как можно скорее забыть о случившемся, поэтому услышанный крик списала на пьяную компанию. Но странное чувство в груди не покидало ее. Что-то подсказывало, что она ошибалась. И дело было вовсе не в пьющей компании, проходящей мимо.

* * *

Михаил встал с постели, проспав всего три часа. Этого времени ему было предостаточно, чтобы выспаться. Он чувствовал себя бодро.

В его комнате царил хаос. Хотя скорее она была похожа на свалку: стол был завален компьютерными запчастями, исписанными и смятыми листами бумаги, посудой, вырезками из газет и журналов, дисками, даже каким-то образом там оказался пластилин. В шкафу вещей не было, они все лежали на стуле в виде огромной горы, верхушка которой часто сваливалась на пол. Иногда на полу можно было найти грязные тарелки недельной давности. Их Михаил периодически убирал, так как из-за них одежда часто пачкалась. Горничные не имели право входить в его комнату.

Михаил открыл форточку. Нотки уходящего августа заиграли на коже мурашками. Михаил включил любимую группу «Nirvana». Он слушал либо рок, либо что-то из классики. По всей комнате были развешаны сюрреалистические

картины. Михаил считал, что именно в этом направлении можно увидеть что-то из небытия – то, чего нет.

Послышался стук в дверь. Горничная сообщила, что завтрак готов. Михаил подошел к клетке, чтобы проверить ворона. Клетка всегда была открыта, Михаил никогда не ограничивал свободу Иксу. Он часто выпускал ворона, чтобы тот мог насладиться полетом. И каждый раз Михаил думал, что Икс больше не вернется. Но ворон возвращался, так как не мог более существовать без своего хозяина. Они будто понимали друг друга без слов. «Иногда в молчании, во взгляде гораздо больше смысла, нежели в словах», – любил повторять Михаил.

В любимой футболке с надписью «Nirvana» Михаил вышел из комнаты. Он положил толстую цепочку в рот, а потом достал, проведя по зубам. Многих раздражала эта привычка, но он уже не замечал, как делает это.

Из комнаты Ани он услышал голос Кирилла. Михаилу стало интересно происходящее, и он подошел к двери и прислонил ухо.

– Разве ты об этом хотел со мной поговорить? Наверняка, нет... – перебила Аня. В ее голосе звучала нотка уверенности, но все же этого было недостаточно, чтобы противостоять Кириллу.

– Раз ты так хочешь, чтобы я сказал напрямую, что ж... – он вдруг остановился, и после небольшой паузы продолжил. – Послушай, Ань, тебе уже девятнадцать лет, а ты до сих

пор живешь в заоблачных мечтах. Ты могла бы продолжать учиться, жить с родителями, в итоге найти парня, выйти за него замуж, родить ему детей в двадцать пять, но ты предпочитаешь стать матерью-одиночкой в девятнадцать. Неужели все это из-за денег? Неужели тебе так нужны деньги?

– Не суди людей по себе, Кирилл. Дело не в деньгах.

– Тогда зачем тебе это?

– Неужели не понятно, – она говорила тихо, – я просто не могу убить этого ребенка... Но почему ты настаиваешь на аборте?

Тишина. Михаил сжал цепочку сильнее. Его тошнило от этого отвратительного разговора.

– Мы никогда не станем настоящей семьей... – начал Кирилл. – Но я не смогу бросить на произвол судьбы своего ребенка. Если он родится, я буду его навещать. Но эта недосемья... Будет ли этот ребенок счастлив в такой семье? Сейчас это всего лишь клетка, а потом это будет живой человек. Ты думала, какое будущее его ждет?

– Я не могу сказать наверняка, будет ли счастлив этот ребенок. Но знаешь, вряд ли между жизнью и смертью, он выбрал бы второй вариант лишь по названной тобой причине. Кто мы такие, чтобы лишать его шанса, который выпадает лишь однажды? Будь уверен, я сделаю все, чтобы этот ребенок был счастлив. А если мы уже для тебя в прошлом, и ты боишься принять эту ответственность – уходи.

По дрожащему голосу Михаил понял, что Аня едва сдер-

живала слезы. В комнате повисла пауза. Михаил постучал в дверь. Она тут же вытерла слезы, а Кирилл вздрогнул от неожиданности. Михаил редко спрашивал разрешения войти, но в данной ситуации не мог поступить иначе.

Когда дверь распахнулась, все взгляды обратились на него. Он изобразил на лице что-то вроде улыбки.

– Неожиданно тебя тут встретить, Кирилл. Я помешал?

Фраза получилась неуместной, и Михаил это почувствовал. Кирилл зыркнул на брата, в его глазах отражалась ненависть, он едва не сбил Михаила с ног, когда поспешно вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Грохот эхом отдавался в голове снова и снова. Аня села на кровать и склонила голову.

– Он что-то сказал тебе? Что случилось?

– Ничего, все в порядке.

Михаил подошел ближе и обратил внимание на ее дрожащие пальцы. Аня смотрела в одну точку и не шевелилась. В комнате до сих пор оставался запах одеколона Кирилла, напоминавший о ссоре. Михаил сел рядом с Аней и сказал:

– Иногда в жизни бывают моменты, когда все против тебя. Со всех сторон твердят – ты не справишься, брось это, не губи свою жизнь. Люди говорят это, потому что смотрят на мир со своего ракурса, они не могут представить, что есть еще другие углы обзора. Именно поэтому важно только то, что думаешь ты. Если ты хочешь оставить этого ребенка, делай так, как считаешь нужным.

Аня подняла голову и посмотрела на Михаила. Слезы медленно стекали по ее дрожащей улыбке. Михаил обнял Аню, ее плечи показались ему очень худыми.

– Спасибо вам, – сказала Аня.

– За что?

– Просто за то, что меня обняли.

Михаилу эта фраза показалась волнительной и откровенной. Он почувствовал себя немного неловко и попытался уйти от напряженной обстановки:

– Ненамного я тебя старше, чтобы называть меня на вы. Чувствую себя стариком.

Аню рассмешила эта фраза.

– Хорошо. И как мне тебя называть?

– Михаил. Только не Миша, ненавижу, когда меня так называют. Будто Мишутка какой-то.

Аня засмеялась и Михаил вместе с ней. Они еще недолго побыли вдвоем и поговорили о мелочах, которые, в сущности, не имеют особой ценности. Их разговор прервал звонящий телефон. Это была Вика. Аня ответила, и Михаил махнул головой, словно говоря «зайду позже». Аня ответила ему тем же. Михаил пошел к себе в комнату, чтобы снова взяться за решение задачи по высшей математике.

* * *

На следующий день Вика приехала навестить сестру. Они

поговорили о ссоре с Кириллом, Вика как всегда высказывалась в его адрес негативно:

– У него ай кью как у золотой рыбки. Его надо сдать в зоопарк к обезьянам.

Аня громко хохотала. Ее щеки залились розовым девичьим румянцем. Ей нравилось, когда Вика импульсивно выражалась о Кирилле и пародировала его.

– Я Кирилл, ко-ко-ко. Посмотрите на меня, я целыми днями пью эспрессо и курю, словно Шерлок.

Она сделала утиные губы и продолжала унижать Кирилла, пока им это не надоело. Сестры упали на кровать и некоторое время молчали. Каждая из них думала о том, как теперь изменились их жизни.

– Знаешь, а я все равно сплю с включенным торшером. Уже так привыкла спать при свете, – сказала Вика.

– А я просыпаюсь утром и думаю, как бы тебя не разбудить, но потом вспоминаю, что одна, – сказала Аня. Они снова замолчали. За дверью слышались шаги, скорее всего это была горничная.

– Мне очень плохо без тебя, – произнесла Вика. Она вдруг обняла сестру и заплакала. Аня редко видела ее слезы, обычно та держала в себе такие эмоции. Это ее поразило.

– Что с тобой? Не плачь только, а то я тоже вместе с тобой разревусь.

Но Вика не могла остановиться. Она уткнулась сестре в грудь и залила ее слезами. Аня пыталась ее успокоить, но

у самой глаза становились влажными. Они некоторое время плакали без остановки, потому что понимали, что никогда не вернутся к прежней жизни.

Вика первая прервала затянувшееся рыдание:

– Мы с тобой чукчи. Рыдаем, как дуры.

Аня улыбнулась сквозь слезы:

– Настоящие дуры.

На улице было жарко. Солнце палило с необычайной силой. На земле от засухи появлялись трещины, окно было открыто из-за духоты. Вечером Вика попрощалась с сестрой и уехала. Ане не спалось. В груди у нее поселилось странное чувство тревоги. Она не понимала, откуда оно могло взяться, но в итоге списала все на беременность.

Около трех часов ночи ее разбудила сигнализация. Аня сонно встала и закрыла окно. Несколько минут она думала о том, как изменилась бы ее жизнь, если бы она сделала другой выбор. Не познакомилась бы с Кириллом или согласилась бы на аборт. Какие последствия пришлось бы принять? Варианты развития событий не заканчивались. Но ее задумчивость прервал шум за дверью. Сначала она подумала, что это ходит горничная, но потом отчетливо услышала детский голос:

– Аня...

Михаил не говорил ей о присутствии детей в доме. Все это навевало странные мысли. Аня открыла дверь, и перед ней разверзлась темнота, доводившая до исступления. Девушка посветила фонариком, но не заметила ничего подозритель-

ного. Она хотела уже вернуться, как вдруг снова услышала этот голос:

– Не уходи, Аня.

Она не знала, что ей делать. На галлюцинации это уже не было похоже. Аня стояла в дверном проеме и боялась пошевелиться.

– Помоги мне.

Голос стал громче. Ее трясло от мысли выйти из комнаты, оказаться в темноте и увидеть там что-то пугающее. Аня закрыла дверь в надежде, что звуки прекратятся. Но их сила увеличивалась, лампочка в торшере замигала и напугала девушку еще больше темноты в коридоре. Дрожащей рукой она схватила вазу и вышла из комнаты. По рукам пробежал холод. Аня уже подумала вернуться, но словно что-то не позволяло ей это сделать. Ее тянуло с сумасшедшей силой в сторону доносящегося голоса, все это время она думала: «Зачем?» и не понимала, что происходит. Детский голос становился отчетливее:

– Аня, мне нужно кое-что показать тебе.

Девушка медленно подошла к лестнице, которая утонула во мгле. Страх сдавливал грудь, отключал разум. Она глубоко вздохнула и пошла вниз.

На первом этаже темнота казалась гуще. Тошнота подходила к горлу, вена на руке нервно дергалась. Аня дышала прерывисто, будто ей не хватало воздуха. Девушка поставила вазу рядом с собой, та была слишком тяжелой.

– Аня.

Кто-то взял ее за руку. Аня медленно посмотрела вниз и увидела мальчика лет семи со светлыми волосами. Ее парализовало.

– Мне нужно показать тебе зло, которое здесь никто не видит.

С ужасом она осознала, что в мальчике нет ни одного признака живого существа. Он был похож на привидение, бледное, от которого исходил холод. Его маленькое тело слегка светилось в темноте. Аня закричала и упала на пол. Телефон выпал из рук и отключился. Девушка оказалась в темноте, сердце съежилось от ужаса. У нее началась истерика. Она звала на помощь, разрывая горло.

Мальчик встал перед ней. Она перестала кричать. Его большие глаза вопрошающе смотрели на нее. Сумасшедший страх отнял всякую возможность вымолвить хоть одно слово. Ее тело билось в конвульсиях. Мальчик подошел ближе, Аня заметила, что он держал в руке точно такую же цепочку, как у Михаила. Мальчик сказал:

– Не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Здесь стоит бояться не меня.

Включился свет. Мальчик исчез. Аня оглядела комнату, боялась, что он где-то прячется. Неподалеку от себя она заметила вазу и схватила ее.

– Господи, что случилось? – спросил Кирилл. Он подбежал к ней вместе с Михаилом и помог подняться. Лицо Ани

было искорежено страхом, словно ее неделю держали в камере пыток. Михаилу еле удалось забрать вазу, ее пальцы не разгибались. Аня молча сидела на диване с притупленным от страха взглядом.

– Почему ты бродила в темноте? Не могла включить свет? – спросил Кирилл. Аня ответила трясущимися губами:

– В моей голове даже не возникло такой мысли.

Кирилл помрачнел от ее испуганного вида.

– Я нашел твой телефон, держи, – сказал Михаил и протянул ей мобильный.

– Расскажи, что с тобой случилось, – просил Кирилл.

Аня боялась рассказывать о таком кому-либо. Она была уверена, что ее примут за сумасшедшую. А если потребуют доказательства, то какие доводы можно привести в пользу существования потусторонних сил? Кирилл не сдавался и пытался узнать хоть что-то, пока Михаил его не остановил. Вместе они проводили Аню в комнату. Ее тело стало деревянным, а движения – слишком резкими и дерганными. Уже в кровати она обняла плюшевую игрушку и прижалась к стене, словно загнанная лань. Михаил потянулся к выключателю, но Аня закричала:

– Нет! Только не выключай свет! Прошу.

Михаил отдернул руку, словно дотронулся до кипятка.

– Извини, я не хотела так грубо. Просто... я боюсь темноты.

Михаил никогда не видел в человеке столько страха в гла-

зах.

– Остаться с тобой? – спросил он.

– Боже, нет. Со мной все нормально, не нужно так беспокоиться.

– Ты уверена?

– Да, – ответила Аня.

Михаил вздохнул и перед уходом добавил:

– В соседней комнате горничная, справа от тебя кнопка вызова. Ты можешь вызвать горничную, если тебе что-то понадобится. Я совсем забыл рассказать про эту кнопку, но теперь ты знаешь. И в следующий раз включай свет в коридоре, не ходи в темноте.

Аня обратила внимание на цепочку Михаила. Она не решилась спросить, откуда она у него. Михаил вышел из комнаты, Аня сжала одеяло. Она смотрела на горящий торшер и пыталась до конца осознать случившееся. Этой ночью она не уснула.

* * *

Аня встала в шесть утра. Под глазами появились синяки и мешки. Организм требовал сон, но бесконечные мысли не давали уснуть хоть на минуту. Аня накинула халат и спустилась к Михаилу, который доедал завтрак. Она робко села рядом с ним и скрестила руки.

– Я попрошу подогреть, если нужно, – сказал Михаил.

– Все нормально.

Ее тело было таким слабым, что она с трудом удерживала вилку. Аня отломилла маленький кусочек яичницы. Аппетита у нее не было, но она заставила себя есть, в противном случае Аня упала бы в обморок от упадка сил. На кухне копошились повара. Михаил молча доедал завтрак и практически не смотрел в сторону Ани, это создавало неловкость.

– Скажи, – сказала Аня, когда Михаил хотел встать из-за стола, – ты веришь, что существуют потусторонние силы?

Михаил отодвинул тарелку и недовольно посмотрел на девушку:

– Ничего подобного не существует. Нет никакого бога, дьявола. Есть только люди и то, что их окружает.

Михаил встал из-за стола, но Аня решилась задать еще один вопрос:

– Тогда, как ты думаешь. Существует ли душа?

Он остановился.

– Наверное. Человек не может быть лишь куском мяса. Возможно, во вселенной все души собираются вместе после смерти. Кто знает. Но я убежден, что нет никого, кто бы управлял этими душами.

Аня не доела завтрак. Не рассказала о случившемся. Она была уверена, ей бы не поверили или вовсе сослали бы в психушку. Она решила, что свяжет произошедшее с беременностью и каким-нибудь образом спишет на гормональный сбой. Единственная, кому она могла рассказать правду, это Вика.

Часы показывали половину седьмого утра. «Еще слишком рано, чтобы звонить ей», – подумала Аня и ушла в комнату.

* * *

После полудня Вика пришла к сестре. В комнате было прохладно, работал кондиционер. Вика рисовала за деревянным столом, карандаш скользил по бумаге, издавая шершавый звук. На рисунок падали блеклые солнечные лучи.

– Слушай, я скоро тут мангу нарисую, если ты не расскажешь мне, что случилось. Уже полчаса здесь сижу, – сказала Вика. Она ожидала услышать историю о том, как ее сестра снова поругалась с Кириллом. Она рисовала парня с крыльями, который стоял на крыше и смотрел на закат. Рисунок был живым, Вика умело подчеркивала детали и создавала легкую туманность там, где это было необходимо. Красоту она видела не в совершенстве линий. «Небрежность – идеал искусства», – любила повторять она.

– Я видела мертвого мальчика, – сказала Аня. Карандаш застыл на крыльях парня, которого рисовала Вика. Она медленно повернула голову, ее глаза с ужасом смотрели на сестру.

– В смысле? Где?

– Ты не правильно поняла. Я имею ввиду привидение. Душу мальчика.

Аня рассказала все, что пережила в ту ночь. Вика случай-

но сломала карандаш, когда слушала слова сестры. История не укладывалась в голове, по коже пробежали мурашки. Кусочек грифеля упал на пол и спрятался в темном углу.

– Это... кажется... невозможным... – Вика говорила с большими паузами. Она схватилась за голову, ее взгляд упал на рисунок. Она смотрела на недорисованные крылья и небо, с которым они соприкасались.

– Я никому не рассказала. Вряд ли мне кто-то бы поверил, – сказала Аня, ее взгляд поник. Вика подошла к сестре и обняла ее.

– Помнишь, как в детстве, когда мы были в деревне, я сказала, что видела мальчика со светлыми волосами?

– Помню.

– Мама и бабушка говорили, что такого мальчика нет в деревне. Что я все придумала. Я до сих пор помню, что он сказал мне. Он сказал – всегда замечай детали, наблюдай за природой и увидишь незримое. Я плакала, ведь никто не поверил мне. И только ты подошла и сказала, что веришь. Вот и я тебе верю.

Сестры обнялись, на глазах появились слезы. Вика ощущала на плечах щекотливое дыхание Ани. Вика хотела что-то сказать, но потом передумала. В молчании она увидела гораздо больше смысла, чем в тысяче ярких слов.

За окном пролетела бабочка. Это была обыкновенная капустница, но сейчас Вике она показалась прекрасной. Вика обняла сестру крепче. Этот момент создавал фонтан теплых

чувств. Преображал то, что, на первый взгляд, казалось обычным.

В комнату зашел Кирилл, сестры его не заметили. Он хотел сначала съязвить по поводу увиденного, но потом передумал. В их отношениях он заметил то, чего не было между ним и Михаилом – понимания и родственной любви.

– Стучаться надо, – сказала Вика и отошла от Ани. Кирилл надменно закатил глаза и фыркнул. Он хотел резко высказаться в адрес Вики, но тут заметил ее рисунок. Вика покраснела и тут же убрала его.

– Даже не думай ничего говорить по этому поводу! Я знаю, что ты скажешь, типа, вот ха-ха! Что фигня! – сказала Вика и надула щеки. Она ждала, что Кирилл сейчас начнет смеяться над ней, поэтому готовилась в обороне и прокручивала в голове ответные обзывательства.

– Очень красивый рисунок. Нарисуешь и мне что-нибудь? – спросил он.

От удивления Вика широко распахнула глаза. Его реакция казалась ей настолько неестественной и неправильной, что она ничего даже не смогла ответить.

– Ты как себя чувствуешь после вчерашнего? – спросил Кирилл у Ани.

– Уже все нормально. Если честно, не знала, что с беременными приключаются такие истории. Просто приснился очень страшный сон, а потом я вышла в коридор и там эта темнота. Довольно глупая история, – улыбалась Аня и наде-

ялась, что Кирилл перестанет расспрашивать ее подробно, рассказ и без того казался нелепым.

Кирилл больше не стал ее мучить и ушел. Аня выдохнула и взглянула на Вику, которая все это время удивленная стояла на месте с приоткрытым ртом и приподнятыми бровями.

– Что с тобой? – спросила Аня.

– Все нормально. Просто Кирилл удивил своей любезностью. Вот и все.

Она достала спрятанный рисунок и принялась его дорисовывать. Аня стояла рядом и наблюдала, как в крыльях ангела появлялось больше деталей.

– Как думаешь, он поверил мне? – спросила Аня.

– Думаю, ему самому не очень-то хочется вникать в подробности. А тем более такие. Да и вообще, твоя натянутая история в любом случае выглядит правдоподобнее, чем рассказ о мальчике-привидении. Так что эту историю им лучше не рассказывать.

Они погрузились в мысли. Аня прокручивала в голове сцену с Кириллом и пыталась понять, достаточно ли правдоподобно она себя вела. А Вика с ужасом осознавала одну вещь, если ее сестре не показалось, и все было именно так, как она говорила. То, что на самом деле происходит в этом доме? И почему у мальчика в руке была цепочка Михаила?

Запись из дневника Вики.

Интересно, какой я стану через пять лет? Будут ли у меня такие же убеждения или я стану совсем

другим человеком? Я очень боюсь потерять себя. Стать черствой, как взрослые, которые утончили в цифрах (хотя, возможно, я ошибаюсь, и такими стали не все). Боюсь проснуться однажды и пойти на работу, которую ненавижу. А ведь я так хочу стать художником. Мечтаю всю жизнь. Я боюсь, что мои картины не поймут. Скажут – ну вот, что за бред ты нарисовала, лучше изобрази природу за окном. Но что поделать, если за окном я представляю нечто иное? И мне сложно об этом кому-то говорить. В школе девочки моего возраста то и дело говорят о мальчиках, одежде, косметике. И нельзя просто так подойти и сказать, а вот я вижу... Никому не интересно. Никто не будет слушать. Но я все равно хочу показать. Пусть не словами, а на холсте. Может тогда кто-то поймет меня и скажет: «Это поистине прекрасно».

* * *

Наступила ночь, небо было девственно чистое. Кирилл возвращался домой из клуба, где немного выпил. От него пахло женщиной, с которой он провел большую часть времени. Аромат ее сладких духов и губная помада остались на потрепанной рубашке. Кирилл поправил взъерошенные волосы и вдруг услышал какой-то шум. Вдалеке громыхал фейерверк. Сотни ярких вспышек отражались в его пьяных глазах, а потом растворялись. Это так его заворожило, что он

не мог перестать смотреть, как маленькое шоу становилось в этот миг чем-то особенным. Будоражило все его существо. Было частью чего-то большего. Мелькающие огоньки напомнили ему о детстве. О времени, когда он считал себя по-настоящему счастливым и свободным.

Фейерверк быстро закончился, он оставил после себя дым, который улетал прочь и рассеивался в пространстве. Кирилл дождался, когда на небе не останется ничего, что напоминало бы фейерверк. Даже чуточки дыма. Только голое небо и больше ничего.

Кирилл отвел взгляд в сторону и случайно посмотрел на открытое окно комнаты Ани. Его выражение лица изменилось, зрачки сузились, по телу пронеслась молния. Увиденное его поразило. Он протер глаза, считая, что алкоголь совсем его одурманил. Но потом понял, что это была не галлюцинация. Вика поднималась на подоконник, словно собиралась спрыгнуть. Это казалось безумием, бессмыслицей. Несколько секунд Кирилл не двигался, пытался понять, что происходит. Слабый ветер развеивал белую ночную рубашку Вики. Она поправила спутанные волосы и поднялась на подоконник. В этот момент Кирилл протрезвел. Словно он провалился под лед, услышал сирену или вдруг упал с вершины горы.

Кирилл побежал в дом. У него было ощущение, будто он попал в сон, где ноги стали ватными и едва слушались. Он чуть не врезался в дверь, споткнулся о коврик, но не упал.

Кирилл мысленно его обругал и побежал наверх по крутой лестнице. Он всегда ее не любил, а сейчас ненавидел. Вздвигаться по ней было тяжело, ступеньки казались бесконечными.

Вика видела перед собой высокие дома, которые освещало огненное солнце. Красные облака расплылись по небу, словно растаявшее мороженое по тарелке. Воздух казался сухим и удушающим. Было невыносимо жарко, по шее стекали капли пота. Вика чувствовала за спиной большие белые крылья. Она не могла поверить в это, крылья ее слушались, взмывали вверх и вниз.

– Мы должны изменить этот мир вместе с тобой. Ты можешь мне?

Вика посмотрела на того, кто ей это говорил. Это был ангел, точно такой, которого она рисовала. Он протянул ей руку, но Вика пока не шевелилась.

– Ты веришь мне?

Его рука излучала свет, а голос казался таким приятным, что хотелось слышать его снова и снова. Она потянула свою руку наверх к нему. Но ангел отдалялся, Вика пыталась дотянуться.

– Чтобы пойти со мной ты должна взлететь.

Вика встала на носочки и подняла одну ногу над воздухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.